

БЛАГОДАРНОСТЬ

*Выражаю признательность
моим добровольным помощникам,
которые предоставляли необходимые материалы,
были первыми читателями и рецензентами рукописи:
Владимиру Ивановичу Шаронову,
Льву Анатольевичу Ванееву,
Зое Ивановне Чукановой,
Елене Ивановне Мартьяновой;
сотрудникам отдела фондов музея-заповедника:
Валентине Ивановне Кужим,
Наталье Николаевне Скоробогатовой,
Валентине Михайловне Мельниковой,
Елене Кузьмовне Арьяс,
Евгении Владимировне Перетьяпкиной.*

*Благодарю директора музея-заповедника «Шушенское»
Галину Алексеевну Бугаеву за поддержку
и издание этого очерка.*

*В.И. Терентьева,
заместитель директора музея-заповедника «Шушенское».*

КГБУК Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»,
662713, Красноярский край, п. Шушенское, ул. Новая, 1,
Тел./факс 8(39139)3-25-41.
E-mail: mus@shush.ru;
www.shush.ru

АНАТОЛИЙ ВАНЕЕВ

(1872-1899)

Биографический очерк

Ответственная за выпуск – В. И. Терентьева
Компьютерный набор – А. И. Шимохина
Компьютерная верстка – И. П. Бозали.
Макет обложки – М. Ю. Куртигешев, фото – Ю.М. Моргунов.

Терентьева В.И.

Т35

Портрет на фоне эпохи. Анатолий Ванеев (1872-1899):
биографический очерк / Историко-этнографический
музей-заповедник «Шушенское». –
Шушенское, 2012. – 76 с., ил.

Издание посвящено 140-ой годовщине со дня рождения Анатолия Александровича Ванеева – члена руководящей группы Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Предназначено для тех, кому интересны отечественная история и семейные родословные.

На титульном листе – Павел Ильич Тараненко. Род. 1921.

Красноярск.

Портрет А. А. Ванеева. Холст, масло. 70х90.

Из фондов музея-заповедника «Шушенское».

© ИЭМЗ «Шушенское»

Подписано в печать 03.04.2012 г.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Печать плюс»

г. Минусинск, ул. Пристанская, 7 «а»,

тел. (39132) 2-00-30,

2-07-87, 2-55-11

ОТ АВТОРА

Биография и судьба Анатолия Александровича Ванеева заинтересовали меня не случайно – ведь первым местом работы в 1973 году, после окончания истфака Воронежского университета, стал Ермаковский филиал Шушенского музея-заповедника «Сибирская ссылка В.И.Ленина» (с 1993 года – Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»). Десятки тысяч экскурсантов со всех уголков Советского Союза ехали в Ермаковское, чтобы увидеть дом на краю села, где у постели умирающего от туберкулёза Ванеева В.И. Ульянов (Ленин) с товарищами по революционной борьбе и ссылке приняли «Протест российских социал-демократов». Заключивалась экскурсия на Ермаковском кладбище у могилы А.А. Ванеева, на которой в сентябре 1970 года был установлен выразительный гранитный памятник работы красноярского скульптора А.Х. Абдрахимова. Я видела искреннее сочувствие в глазах наших гостей, их трогал рассказ о печальной судьбе молодого революционера.

Мы, сотрудники филиала, любили «своего Ванеева», старались искать, и не только по долгу службы, всё новые сведения о нём. Мне довелось побывать почти во всех местах, так или иначе связанных с его биографией: Горький (Нижний Новгород), Ленинград (Санкт-Петербург), Москва, Красноярск, Енисейск. Работала в музеях, архивах; встречалась с учёными, которые занимались ленинской темой. Установились связи с родственниками революционера, экипажем теплохода «Анатолий Ванеев». Чем больше мы узнавали об этом человеке из его писем, из отзывов друзей о нём, тем большее уважение внушал этот «образ нравственной чистоты и доброты» (О.Б. Лепешинская).

Потом была «перестройка». В пылу политических страстей и «переоценки ценностей» стали забываться имена прежних кумиров, поток экскурсантов резко упал. Совещание 17 ссыльных, принявших «Протест российских социал-демократов», перестало быть главным событием полуторавековой истории Ермаковского. Да и «Кредо» «экономистов», приведённое в «Протесте...» для сравнения, стало казаться более симпатичным и бескровным вариантом дальнейшего развития рабочего движения в России. Вскоре встал вопрос и о закрытии филиала.

Прошли годы ... Разбирая бумаги и рукописи «ермаковского» периода работы, «на всякий случай» задвинутые в самый дальний угол книж-

ного шкафа, я натолкнулась на биографический очерк о Ванееве, так и не увидевший света. Интересно читать рукописи, «отлежавшиеся» более 20 лет! За эти годы белое успело стать чёрным, но и чёрное вдруг начало светлеть. И подумалось: ведь все мы (или почти все) принимали искренне идеологию, созданную для нашего (советского) поколения. И Анатолий Ванеев так же искренне верил в справедливое революционное преобразование мира, в теорию Маркса, которую одновременно с Лениным, а затем под его руководством внедрял в сознание рабочих – искренне, беззаветно, жертвенно! Так почему же не рассказать об этом человеке **на фоне его эпохи**, чтобы понять, что двигало им, чем он жил, что любил, во имя чего страдал? Рассказать, как сложилась судьба его сына, родившегося в Ермаковском через 20 дней после смерти отца и названного в его честь Анатолием, и внука – тоже Анатолия; поискать правнуков. В этой семье были представлены священники, царские чиновники, революционеры, советские учёные, педагоги, участники Великой Отечественной войны, философы. И эта семья тоже не избежала сталинских репрессий.

Когда я вернулась к рукописи, прежние источники информации были уже утрачены, и вероятность узнать о судьбе потомков оставшегося на сибирской земле революционера была минимальной. Поэтому пришлось решение написать на передачу «Жди меня». Это письмо и счастливая случайность помогли познакомиться с Владимиром Ивановичем Шароновым – в то время (2008 г.) заместителем генерального директора Всероссийской Государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК). Он подсказал, где искать интересующие меня сведения, сообщил, что знаком с правнуком А.А. Ванеева Львом Анатольевичем и его матерью, а позднее помог установить с ними контакт.

Намерение обобщить собранные за многие годы сведения о Ванееве к 140-ой годовщине со дня его рождения, вполне понятное для работника музея, укрепилось принятым в 2011 году решением Министерства культуры Красноярского края о восстановлении филиала в селе Ермаковском. А ранее не известные сведения о жизни членов семьи, их фотографии, полученные в ходе переписки с В.И. Шароновым и Л.А. Ванеевым, прибавили энтузиазма процессу подготовки этого очерка о судьбе революционера А.А. Ванеева и его потомков.

Жизнь этой семьи, прослеженная здесь в шести поколениях – отражение сложной, противоречивой истории нашей страны.

В Метрической книге Рождественской церкви г. Архангельска за 1872 год в графе «О родившихся» есть запись о том, что 26 февраля родился и 5 марта был крещён сын «архангельского губернского правления помощника делопроизводителя, не имеющего чина Александра Степановича Ванеева и законной жены его Анастасии Ивановны».¹

Мальчика назвали Анатолием. В Архангельске он провёл первые годы своего детства. В конце 1878 года семья Ванеевых переехала в Нижний Новгород, где отец устроился канцелярским служащим в нотариат окружного суда. Этот город стал для Анатолия второй родиной. В своей автобиографии, написанной в 21 год, он вспоминал, что город произвёл на него благоприятное впечатление.²

Вскоре после переезда в Нижний Новгород старшую сестру Александру (у Анатолия был ещё младший брат Василий) стали готовить в гимназию, для чего была приглашена учительница для домашних занятий.

Любознательный мальчик прослушивал все уроки, а потом стал учить всё, что задавали сестре на дом. Так, без всякого принуждения, началась учёба, которая и в дальнейшем шла легко и успешно. В 1882 году Анатолий окончил начальное городское училище и поступил в первый класс уездного училища. «Не буду распространяться о том, как подвигалось моё ученье; скажу только, что вообще оно давалось мне без большого труда, вследствие чего у меня всегда оставалось много свободного времени. Это время я почти целиком стал посвящать чтению, к которому пристрастился ещё с раннего детства. В то время я читал всё, что только попадалось под руку; любимым же чтением были путешествия, из которых особенно нравились мне сочинения Майн Рида и Жюль Верна»,³ – писал А.А. Ванеев в автобиографии. С возрастом круг чтения расширялся. Анатолий стал страстным почитателем идей Герцена и Чернышевского. Их свободололюбивые мысли заставляли искать ответы на

волновавшие его вопросы. Он нашёл их в произведениях Маркса, Энгельса, Плеханова.

В 1886 году Анатолий окончил уездное училище и поступил на службу в канцелярию старшего нотариуса – нужно было помогать семье. На первых порах молодому человеку нравилось его новое положение. Привлекали самостоятельность, возможность заработать деньги и масса свободного времени, так как работа отнимала не более 5-6 часов в сутки. Появилось даже желание остаться в канцелярии. Но через год настроение изменилось.

Канцелярия с её однообразием просто опротивела, к тому же и с сослуживцами Анатолий не смог сойтись – слишком разными у него с ними были взгляды на времяпрепровождение. «Я искал отдохновение и развлечение в чтении, они же главное удовольствие – в разгуле», – отмечал юноша в автобиографии. Неудовлетворённость своим положением всё росла, но как его изменить, он ещё не знал.

Определяющую роль сыграла поездка в мае 1890 года в Казань на кустарную научно-практическую выставку. Именно здесь Анатолий принял твёрдое решение готовиться в институт, хотя и сам потом не мог объяснить, как это случилось. Мысли о возможности получить высшее образование приходили и раньше, но пока это были лишь мечты. В 18 лет пришло твёрдое решение учиться. Выдержав экзамен за 6 классов реального училища, юноша поступил в дополнительный, седьмой, класс, окончание которого давало право поступления в высшие технические учебные заведения.

В это время произошло событие, круто изменившее впоследствии судьбу Ванеева. Он познакомился с марксистами, среди которых выделялся высланный из Казани М.Г. Григорьев, участвующий вместе с М.Е. Федосеевым в организации марксистских кружков. Анатолий Ванеев работал в кружке, которым руководили первые нижегородские марксисты М.Г. Григорьев и П.Н. Скворцов,⁴ и выполнял всю подпольную работу, какая возлагалась на него организацией.⁵

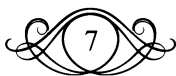
Этот кружок посещал и студент Петербургского Технологического института Л.Б. Красин, член социал-демократической группы М.И. Бруснева, высланный в Нижний Новгород. Знакомство с ним ещё более укрепило желание Ванеева учиться, причём, непременно в Петербурге.

Успешно закончив в 1893 году дополнительный класс реального училища, Анатолий выехал в Петербург, который в середине

90-х годов XIX века был центром марксистской мысли и собирания социал-демократических сил России.

В Петербурге Анатолий сдал экзамены в Горный и Технологический институты, но выбрал последний, так как, по его словам, традиции «техноложки» были более революционны.⁶ Но не Технологический институт и инженерный диплом были главной целью Ванеева. «Мы мечтали о другом, – писал его друг-нижегородец М.А. Сильвин, – мы хотели как можно скорее и решительнее с головой уйти в гущу революционной борьбы, которая, представлялось нам, так и кипит в этой твердыне царизма».⁷ И выбор факультета (Анатолий поступил на механический) тоже не был случайным. Будущая профессия инженера-технолога обеспечивала возможность быть постоянно в гуще рабочих, знать их нужды и настроения. Имея уже опыт работы в социал-демократических кружках Нижнего Новгорода, А.А. Ванеев вступает в марксистский кружок студентов-технологов, среди которых были С.И. Радченко, В.В. Старков, П.К. Запорожец, Г.М. Кржижановский, М.А. Сильвин, Г.Б. Красин (брат Л.Б. Красина – В.Т.) и другие. В этом кружке большое внимание уделялось теоретической подготовке, углублённому изучению трудов К. Маркса, велась пропаганда марксизма в пролетарской среде. Ванеев вёл кружки у рабочих Резиновой мануфактуры, на Васильевском острове и Выборгской стороне. «Кружковцы ... сразу полюбили этого светловолосого юношу с кроткими глазами василькового цвета и ясной, доброй улыбкой. Всегда строгий и неумолимо требовательный к себе, он приходил в гнев, сталкиваясь с малейшим проявлением нечестности и несправедливости. Особенно высокие моральные требования Ванеев предъявлял к тем, кто посвятил свою жизнь революционной борьбе»,⁸ – вспоминала О.Б. Лепешинская. М.А. Сильвин так характеризовал своего друга: «Анатолий был очень скромнен и внешними данными не блистал, не был ни красноречивым оратором, ни бойким писателем. Спокойно, теребя свою русую остренькую бородку, с глазами, в которых то горела вдохновенная вера, то светилась едкая ирония, он в полемических спорах того времени умел наносить противнику острые и меткие логические удары и привлечь на свою сторону товарища, ещё не успевшего определиться ...».⁹

Летом 1893 года из Самары в Петербург выехал помощник присяжного поверенного Владимир Ильич Ульянов. По дороге он задержался

в Нижнем Новгороде, чтобы встретиться с местными марксистами.¹⁰ Эта встреча укрепила связи между марксистами Нижнего Новгорода и Петербурга. От П.Н. Скворцова и М.Г. Григорьева Ульянов узнал о других нижегородских марксистах: Анатолии Ванееве, Софье и Зинаиде Невзоровых – студентах высших учебных заведений столицы.¹¹ Так состоялось заочное знакомство единомышленников.

Приехав в Петербург в конце августа 1893 года, Владимир Ульянов начал искать связи с марксистскими кружками, передовыми рабочими. Наиболее жизнеспособным и крупным в то время был кружок студентов-технологов. Н.К. Крупская писала: «В 90-х годах марксистская революционная молодёжь группировалась в Питере около технологического института... Почти у каждого высшего учебного заведения была своя физиономия. Так, лесники были большей частью народниками, студенты университета более склонялись к марксизму, но в их марксизме был сильный привкус того, что впоследствии именовалось «легальным марксизмом», и только «техноложка» была оплотом марксизма и пыталась вплотную подойти к вопросу об организации рабочего движения, заводила связи с рабочими».¹²

Встреча с Ульяновым осенью 1893 года во многом определила дальнейший жизненный путь Ванеева. С первых дней знакомства между ними установились близкие дружеские отношения. Здесь, в Петербурге, в марксистском кружке родилась их дружба, продолжавшаяся до последних дней жизни Анатолия Александровича.

Среди марксистов чувствовалась большая нужда в работе, которая свела бы в единую систему марксистско-философские, экономические, политические идеи применительно к современным российским условиям. Нужен был манифест революционного марксизма, способный объединить революционных социал-демократов.

Такой работой стала книга В.И. Ульянова «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Познакомившись с ней в числе первых, Анатолий Ванеев был буквально захвачен ясностью изложения, логикой, боевым духом книги. Поняв, какую роль она призвана сыграть, Ванеев с жаром включился в работу по её нелегальному изданию.

«Владимир Ильич нередко заходил к нам в нашу комнату на Садовой улице № 49..., где жили мы с Ванеевым... и где производилась нами сборка и брошюровка готовых экземпляров..., – вспоминал М.А. Сильвин. – Именно в это время убедился он в

самоотверженности, революционном рвении и твёрдой воле Анатолия, организовавшего всё предприятие и проводившего его настойчиво, спокойно и умело. Дружба между нами укрепилась, и Владимир Ильич стал смотреть на Анатолия как на такого человека, которому скорее всех можно было поручить и доверить особо серьёзное дело. Позже сношения с типографией народовольцев были возложены на Ванеева...».¹³ Анатолий участвовал и в распространении этой книги, которую так ждали марксисты. «Сброшюрованные листы Ванеев относил в Технологический институт, откуда студенты – марксисты распространяли работу «Что такое «друзья народа» ...» среди своих единомышленников. Кружок технологов располагал довольно обширными связями».¹⁴

Летом 1894 года Ванеев «устроился на уроки у какого-то инженера и жил у него на даче возле Териок, часто наезжая в Петербург. Именно Ванеев в течение лета создал техническую организацию, усилиями которой и было напечатано второе издание книги».¹⁵ Только в конце августа Анатолий поехал домой. Он ещё не знал, что за ним установлено наблюдение. В документах полицмейстера появилась запись: «Ванеев А.А. прибыл из С-Петербургского университета в дом Камышева на Ковалихинской улице к своим родителям 24 августа 1894 года по билету за 1 сентября 1894 г.».¹⁶

«После краткого визита в Нижний в конце августа Ванеев вернулся... в Петербург и занялся здесь печатанием третьего... издания, датированного сентябрём 1894 г. с пометкой «Издание провинциальной группы социал-демократов»,¹⁷ – вспоминал М.А. Сильвин. Работу конспиративную приходилось сочетать с учёбой в институте и поисками средств на жизнь и учёбу. Анатолий, судя по его письмам к родным, которые сохранились, испытывал постоянные материальные затруднения, поэтому вынужден был зарабатывать уроками, пользоваться студенческим кредитом в столовой, экономно жить. 7 марта 1894 года он писал домой: « На днях я получил урок заниматься с гимназистом второго класса каждый день по два часа. Плата 18 руб. ... не особенно большая ... Но так другой работы не предвиделось, а мои финансы – швах, то я принуждён был взять».¹⁸

Письма Анатолия Ванеева из Петербурга родным рассказывают о занятиях, о поисках квартиры, о финансовом положении, заботливо спрашивают о здоровье близких. Участие же в марксистском кружке оставалось тайной для членов семьи.

Между тем, осведомитель охранного отделения, посещавший кружок, где вёл занятия А.А. Ванеев, показывал на допросе: «На этих сходках Ванеев читал биографию Лассаля и толковал о том, чтобы рабочие устраивали стачки, чтобы требовать повышения заработной платы и уменьшения рабочего дня и чтобы устранить эксплуатацию их хозяевами. При этом Ванеев, именовавшийся «Антоном», нападал на правительство, обвинял его в том, что оно не защищает рабочих от произвола фабрикантов».¹⁹

«Антон», «Василий Фёдорович» – конспиративные имена Ванеева, под которыми он посещал рабочие кружки. «Наша конспирация, – вспоминал М. Сильвин, – в то время была довольно примитивна. Многие из нас были связаны узами личной дружбы. Осторожности ради мы, однако, завели себе клички. В.В. Старков назывался Земляника, Запорожец – Гуцул, Кржижановский – Суслик, Ванеев – Минин, я – Пожарский и т.д. Это были шуточные клички, которые так и остались неизвестны жандармам».²⁰

Лето 1895 года Анатолий Александрович провёл в Новороссийске. Об этом свидетельствуют письма А.А. Ванеева, отправленные в Нижний Новгород и сохранившиеся в личном архиве его семьи.²¹ Исследователь жизни и революционной деятельности Ванеева Н.А. Забурдаев называет эту поездку «совсем неожиданным явлением».²² Исследователь высказывает предположение, что А.А. Ванеев отправился в портовый город для встречи посылок с литературой, ведь именно он был ответственным за безопасность внешних связей организации. Интересно, что конец пребывания Анатолия Александровича в Новороссийске почти точно совпадает с концом пребывания Владимира Ильича за границей.

Департамент полиции внёс В.И. Ульянова под № 1 в список лиц, на которых падает подозрение в принадлежности к социал-демократическому обществу. В характеристике указывалось, что Ульянов, наряду с братьями А.А. и В.А. Ванеевыми, В.В. Старковым, сестрами З.П. и С.П. Невзоровыми и др. «стоит во главе кружка, занимающегося революционной пропагандой среди рабочих, и в интересах этого кружка, для приобретения революционных связей, 25 минувшего апреля выбыл за границу».²³

Заграничная поездка В.И. Ульянова, несмотря на слежку полиции, увенчалась успехом. Одним из главных ее итогов явилось установление связей с группой «Освобождения труда». В ходе бесед с

ее членами Ульянов договорился о совместном выпуске сборника «Работник», цель которого была «будить классовое самосознание в русских рабочих».²⁴ Для этого сборника Владимир Ильич энергично побуждал писать своих товарищей. Анатолий задумался – о чем написать? Вспомнилось тяжкое впечатление от увиденного на Кавказе: преследование за веру духоборов. Это и определило выбор темы для статьи – он написал об этом. Характерно, что Ванеев, будучи атеистом, марксистом, взял темой своей первой статьи в нелегальном издании преследование религиозной секты, протестуя против варварского надругательства над свободой совести.²⁵ (Текст статьи – в приложении № 1).

Когда номер «Работника» вышел в свет, Ульянов и Ванеев уже были в тюрьме, но впоследствии, в ссылке, они получили и прочитали этот журнал.

Нелегальная пересылка подготовленных товарищами статей требовала особой конспирации, особых технических приемов. Из склеенных специальным составом листов, как вспоминал М.А. Сильвин, делался картон, в который и переплеталась какая-нибудь невинного содержания книга, посылавшаяся затем за границу почтой самым обыкновенным порядком по заранее данному нейтральному адресу.²⁶ В этой заделке рукописей ближайшее участие принимал А. Ванеев.

Вернувшись из-за границы в Петербург, В.И. Ульянов встретился с А.А. Ванеевым, узнал от него о состоянии дел в рабочих марксистских кружках.²⁷ Владимир Ильич провез через границу в чемодане с двойным дном нелегальную литературу. Но так как за революционерами было установлено бдительное наблюдение, чемодан этот из желтой кожи, который фигурировал в доносах и докладах, причинил много хлопот. «Надо было припрятать и чемодан, и содержимое как можно скорее, – вспоминал М.А. Сильвин. – Героическими усилиями Ванеева, Сережникова, Попова и других товарищей это блестяще удалось».²⁸ Член петербургского «Союза борьбы» М.К. Названов в своих воспоминаниях писал: «В конце концов, А. Ванеев его (чемодан – В.Т.) с большим трудом потопил где-то на обводном канале ... Может быть и теперь лежит на дне этот исторический чемодан, занесенный, вероятно, илом...».²⁹

Как один из самых активных членов марксистского кружка А.А. Ванеев не случайно был введен в руководящий центр созданной осенью 1895 года в Петербурге организации, получившей впослед-

ствии название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Уже в самом названии организации была провозглашена ее цель. По инициативе В.И. Ульянова решено было издавать газету «Рабочее дело», которая способствовала бы объединению марксистских кружков и групп в других городах в единую общероссийскую организацию. Ответственное задание – передача материалов для ее первого номера в типографию народовольцев – было поручено Ванееву, которому Владимир Ильич «особенно доверял».³⁰ В начале декабря 1895 года на квартире Н.К. Крупской состоялось заседание, на котором обсуждался уже готовый к печати номер. Он был в двух экземплярах. Один взял Ванеев для окончательного просмотра, другой остался у Крупской.

Но газета выйти в свет не успела. Вот как впоследствии в книге «Что делать?» (1902 г.) В.И. Ленин написал об этом: «Вполне готовый к печати этот номер был схвачен жандармами в ночь с 8-го на 9-е декабря 1895 года у одного из членов группы, Анат. Алекс. Ванеева, и «Раб. Делу» первой формации не суждено было увидеть света».³¹ В сноске, данной здесь же, Владимир Ильич ручается за достоверность сведений о А.А. Ванееве, ибо эти сведения «исходят от лиц, непосредственно и ближайшим образом знавших А.А. Ванеева».³²

Спустя год, уже находясь в тюрьме, Ванеев в одном из писем вспоминал о той ночи ареста: «Какое странное совпадение. Сейчас начало второго. Ровно год тому назад в этот же час я услышал звонок, заставивший меня вздрогнуть и прислушаться. Я только что лег и уже начал засыпать. Прошло несколько томительных секунд. Вот раздались тяжелые шаги нескольких пар ног. Шаги остановились у мой двери ... Еще мгновение – скверное мгновение – дверь открылась. И теперь еще, как живая, стоит в моем воображении представившаяся картина... Я спокойно приподнялся и спросил, что угодно от меня...».³³

В ту же ночь были арестованы В.И. Ульянов, Г.М. Кржижановский, В.В. Старков, многие рабочие – члены «Союза борьбы». Но организация продолжала действовать. Один из оставшихся на свободе (до лета 1896 года) её членов М.А. Сильвин вспоминал: «В эту ночь я долго не мог заснуть, и ни за кого из товарищей так не болела душа, как за моего друга, нашего общего любимца Анатолия... Мы любили Анатолия не за его неоценимое свойство конспиратора, члена тайного общества, а за то, что душа его была

отзывчивой и нежной, а сам он, самоотверженный и решительный революционер, был физически хрупким, и, казалось, требовал особенной бережливости, чтобы не надломиться вдруг и не хрустнуть в суровой доле подпольщика-революционера».³⁴

«По произведенному у Анатолия Ванеева обыску были найдены: 1) гектографированное воззвание, начинающееся словами «Товарищи, в паровозомеханических мастерских стачка», 2) такое же воззвание (в четырех экземплярах) «К прядильщикам фабрики Кенига», 3) такая же брошюра «Праздник 1 Мая» (перевод с польского), 4) порванная на клочки записка, под названием «К отчету библиотечной комиссии», из которой видно, что тайной библиотекой распространялись такие издания, как «Хитрая механика», «Манифест» партии народного права, письма Аксельрода, сочинения Кеннана, Дикштейна и Бебеля ... Кроме сего у Ванеева оказалось собрание рукописей, предназначенных для первого номера предполагаемой преступным сообществом к изданию подпольной газеты «Рабочее дело» ... Содержание указанных статей убеждает, что социал-демократическое сообщество, задумавшее издавать газету «Рабочее дело», в своей пропаганде в среде рабочих следовало программе действий..., направленной, как к своей конечной цели, к ниспровержению существующего в России государственного строя», – говорилось в Докладе по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и в 1895 годах преступных кружках лиц, имеющих себя «социал-демократами».³⁵

На допросе в Доме предварительного заключения Владимир Ильич показал следующее: «Относительно предъявленных мне рукописей..., отобранных, по словам лиц, производивших допрос, у Анатолия Ванеева, – объясняю, что они писаны моей рукой ...; фактических объяснений о рукописях ... я представить не могу».³⁶

Сохранилось письмо участника революционного движения В.К. Серёжникова М.А. Сильвину от 1 марта 1932 года, в котором он так вспоминал о тех днях: «Я не был арестован в ночь на 9 декабря, а только обыскан и выслан из Петербурга на всё время производства следствия... Я был привлечён по этому делу, вероятно, вследствие связи с А.А. Ванеевым. На допросах ... меня упорно спрашивали о нём».³⁷ А.А. Ванеев на допросах держался стойко, хладнокровно, не признавал себя виновным в принадлежности к какому-либо сообществу и показал, что рабочих кружков никогда не посещал. По поводу найденных у него при обыске рукописей на допросе 19 декабря

1895 года заявил: «Содержание этих рукописей мне неизвестно, и, кто их писал, не знаю».³⁸

М.А. Сильвин, который был среди тех, кто уцелел после декабрьских арестов 1895 года, вспоминал: «В первом же письме Владимир Ильич запросил нас об арестованных, и мы ответили ему».³⁹ Это письмо, по воспоминаниям А.И. Ульяновой – Елизаровой, было длинным, написано серьёзным тоном, к нему был приложен длинейший список научных статей, сборников. В нём Владимир Ильич искусно запросил товарищей о том, кто арестован с ним. Запрашивал, пользуясь кличками товарищей. О нижегородцах – Ванееве и Сильвине, носивших клички Минин и Пожарский, запросил, указав в списке книгу Костомарова «Герои смутного времени». «Помню ещё, – писала впоследствии А.И. Ульянова-Елизарова, – что по поводу «Героев смутного времени» Сильвин рассказывал, что они ответили: «В библиотеке имеется лишь 1 т. сочинения», т.е. арестован лишь Ванеев, а не Сильвин».⁴⁰

Арестованным товарищам по организации предстояло 14-месячное тюремное заключение в одиночных камерах, которые не случайно названы их невольными обитателями «каменными мешками».

*«Вновь камера,
угрюмая гробница,
под потолком оконце
в корке льда.
Сюда живому звуку
не пробиться
и вольной вести
не дойти сюда.
Крепки и непреступны
эти своды
и эти стены
в серой полумгле.
Так душно,
так отравно без свободы,
как будто ты один на всей земле», –*

так образно выразил ощущения Ванеева в «одиночке» поэт Валерий Шамшури́н в поэме «Анатолий и Доминика».⁴¹

Вот как описал «одиночку» Дома предварительного заключения П.Н. Лепешинский, арестованный вместе с товарищами по «Сою-

зу борьбы» (хотя не был членом этой организации), и пробывший тоже 14 месяцев в тюрьме: «Полутёмная камера, имеющая шесть аршин в длину и три в ширину. Окно на высоте свыше сажени, с двойными рамами и крепкою решёткою ... Обстановка камеры простая... Кровать в форме привинченной к стене железной откидной рамы с ножками; на раме тюфячок; подушка..., казённое одеяло из серого сукна и грубое постельное бельё ... По другую сторону к стене железная доска для сиденья ...». ⁴²

Арест Анатолия явился страшным ударом для его семьи. З.П. Невзорова, землячка Ванеева, нижегородка, член «Союза борьбы», утешая его отца, писала, что товарищи позаботились об Анатолии, что его в тюрьме будет навещать «одна бестужевка». Письмо заканчивалось такими словами: «... Вас, конечно, не может не утешать убеждение, что сын Ваш действительно честный человек, который высоко намечает себе задачи жизни и проводит их, насколько хватает сил». ⁴³ Это письмо свидетельствует о том, что авторитет Анатолия Ванеева в среде товарищей был очень высок.

«Бестужевка», которая вызвалась навещать Ванеева в тюрьме под видом его невесты, – Доминика Васильевна Труховская. Она родилась под Полтавой 5 января 1874 года в семье крупного торговца. Женскую гимназию в Полтаве Доминика закончила с отличным дипломом и золотой медалью. Приехав в Петербург, стала учиться на Высших женских (Бестужевских) курсах, преподавать в Самсониковской воскресной школе для рабочих, где в то время учительствовала Софья Невзорова. Здесь Доминика включилась в революционную деятельность, приняла участие в работе тайной организации, а когда произошли аресты, вместе с сёстрами Невзоровыми – Софьей и Зинаидой – взялась помогать заключённым. Ведь их поместили в одиночные камеры, а одиночество – серьёзное испытание. Доминика знала, что у Анатолия Ванеева нет родственников в Петербурге, и рассчитывать на свидания ему не приходится. Младший брат Василий за революционную работу тоже был арестован и помещён в эту же тюрьму. Поэтому первое время Доминика готовила по две передачи и по два письма для братьев Ванеевых. За недостаточностью улики Василия 4 марта 1896 года освободили. (Позднее его выслали в Нижний Новгород под надзор полиции). В тот же день на свидании с Анатолием Доминика сообщила ему радостную весть о брате.

Д.В. Труховская писала и родным Анатолия. «Я была у него 3 раза, постоянных свиданий ещё не получила, к сожалению, так что каждую неделю приходится разговаривать в жандармском управлении. Выглядит Анатолий Александрович всё так же хорошо, крепится, не теряет бодрости. Очень много занимается».⁴⁴

Здесь, в тюрьме, зародилось их взаимное чувство, которое Анатолий и Доминика пронесли через все испытания. «В моей камере теперь сделалось веселее. Я поставил на стол твою карточку и сильнее чувствую твою дружбу...»⁴⁵, – писал Анатолий Ванеев 28 января 1896 года.

Через несколько месяцев свидания прекратились – Доминика уехала навестить родных, но была арестована в связи с вспыхнувшей в Петербурге стачкой ткачей, возвращена в Петербург и тоже помещена в Дом предварительного заключения. Её обвинили в преступной деятельности по распространению среди рабочих листовки «Рабочий праздник 1-го Мая». Об аресте Доминики сообщил Ванееву его брат Василий. Когда закончился срок её тюремного заключения, Доминика снова начала хлопотать о свидании с Анатолием. С 23 декабря 1896 года она стала дважды в неделю – по понедельникам и четвергам – бывать на свидании с ним.

Сырая мрачная «одиночка» не сломила Анатолия Александровича. Он бодр, много читает. Вот несколько строчек из его писем: «Я слежу за всеми журналами ... Тороплюсь засесть за французский. У меня ... лежит русский перевод 3-го тома «Капитала»... Приходится много выписывать из книг». В одном из писем есть такие строчки: «Никогда не сомневайся в моей бодрости, жизненности, даже, если хочешь, жизнерадостности ... Какая нелепость! ... Меня заподозрить в недостатке жизненных сил. Да знаешь ли, я оживил здесь даже мёртвые камни». Узник делится планами будущей работы. «... Я уже с год интересуюсь кустарной промышленностью, но пока ограничился отдельными статьями, думаю теперь засесть за земские исследования, чтобы выяснить историю кустарной промышленности и её переход в фабрично-заводскую, а также современное её положение и пр. ... Я вполне уверен, что исследование, нап(ример), Иваново-Вознес(енского) района даст блестящую картину развития из кустарной хлопчатобумажной промышленности современной фабрики. А ведь у нас в литературе ещё до сих пор господствует мнение, что фабрика явилась путём «насаждения». Показать, как в тече-

ние целого столетия происходила медленная вначале концентрация разбросанных по отдельным светёлкам ткацких станков, сначала в одной большой мастерской мануфактуриста, а потом на фабрике капиталиста, как, следовательно, из «народной формы промышленности» незаметно выростала капиталистическая, – я считаю крайне интересным». ⁴⁶ Письма Ванеева открывают новую грань его личности – в нём виден теоретик. Анатолий хорошо запомнил слова из книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»: «Нельзя быть идейным руководителем без ... теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы направлять эту работу по запросам дела ...». ⁴⁷ Вопрос, который исследует Ванеев в тюрьме, – о судьбах капитализма в России, о применении революционной теории Маркса к условиям русской жизни.

Сохранились свидетельства интенсивной работы А.А. Ванеева в одиночной камере Дома предварительного заключения – его записная книжка и более 250 страниц конспектов по политической экономии. Сейчас они хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории. ⁴⁸ В записной книжке – более ста страниц, на которых чётким ровным почерком сделаны выписки из современных журналов, приводятся данные по кустарной промышленности, выдержки из сочинений Тургенева, Успенского, Салтыкова-Щедрина, Дидро, Гёте, Бальзака, выдержки из философских произведений, биографические данные о Галилее, Кеплере, Бруно, Кампанелле. Разбирая статьи из журнала «Новое слово», особое внимание Анатолий Александрович обращает на данные о развитии кустарной промышленности, делая вывод о том, что она носит явно капиталистический характер. Анализ содержания записной книжки Ванеева показывает широту и разнообразие его интересов.

В письме из тюрьмы 21 января 1896 года Ванеев просит Доминику Васильевну принести ему книги. ⁴⁹ В приведённом списке – литература по истории, политэкономии, философии, истории культуры, книги на иностранных языках. Среди прочих Анатолий Александрович запрашивает книгу Тейлора по первобытной культуре. Вскоре эта книга была доставлена в «одиночку» Ванеева. Он поставил на книге дату – 29.1.97 и свою фамилию. Тогда, конечно, Анатолий Александрович не мог предположить, что эта книга последует за ним в ссылку в Сибирь и навсегда останется там, в библиотеке Минусинского музея Н.М. Мартьянова.

Сейчас можно только предполагать, как эта книга оказалась в Минусинске. Более вероятно, что книги из библиотеки Ванеевых подарила Н.М. Мартьянову Д.В. Труховская, уезжая навсегда из Сибири летом 1900 года.

В нескольких письмах из тюрьмы Ванеев просил о присылке ему немецко-русского словаря. 23 апреля 1896 года он писал Д.В. Труховской: «Пишу всего несколько строк, всё под влиянием той же потребности в немецко-русском словаре. Уж если никоим образом не можешь достать словаря Павловского, то, может быть, легче удастся достать технический немецко-русский словарь... Читаю сейчас о техническом прогрессе в хлопчатобумажной промышленности...».⁵⁰

Доминика Васильевна выполнила и эту просьбу – принесла словарь Павловского, изданный в 1888 году в Риге.

Уезжая в ссылку, Ванеев оставил словарь у невесты, которая привезла его потом вместе с другими книгами в г. Енисейск. После смерти мужа Доминика Васильевна отправила его вещи из Ермаковского по адресу отца в Нижний Новгород. Прошли годы... Словарь, бережно хранимый отцом как память о старшем сыне, потребовался внуку – Анатолию. Долго эта книга служила Ванеевым, а в 1967 году словарь был подарен пионерам, которые ухаживали за могилой Анатолия Александровича. С открытием в Ермаковском 19 апреля 1970 года филиала музея-заповедника «Сибирская ссылка В.И. Ленина» (ныне – Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское») словарь-реликвия был передан туда и стал одним из его экспонатов.

...Заканчивался срок тюремного заключения. В одном из писем А.А. Ванеева появились такие строки: «Пускай же грозят нам тюрьмою и ссылкой, пускай нас лишают свободы, друзей ... Из сердца не вырвать им даже и пыткой сознание величия гонимых идей!».⁵¹ И тут же скромно добавляет: «Не считай меня только поэтом: я никогда не пишу стихов, они вырываются в редкие минуты».⁵² Душу Анатолия Александровича, его искреннюю веру в правоту начатого дела тюрьма не сломила, но здоровье подорвала. В. Ульянов писал позднее, что чахотку Ванеев «вынес из одиночного заключения в предварилке».⁵³

Через 14 месяцев заключения товарищам по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» было объявлено

«высочайшее повеление» о высылке их в Восточную Сибирь сроком на 3 года под гласный надзор полиции. «Все освобождённым «декабристам» разрешено было пробыть до отправки три дня в Петербурге, в семьях, – вспоминала А.И. Ульянова-Елизарова. – Этой небывалой льготы добилась сначала для своего сына мать Ю.О. Цедербаума (Мартова), через какое-то знакомство с директором департамента полиции Зволянским, а затем, раз прецедент создан, глава полиции не счёл возможным отказывать другим. В результате все повидались, снялись группой (известный снимок), устроили два вечерних, долго затянувшихся собрания: первое – у Радченко Степана Ивановича и второе – у Цедербаума». ⁵⁴

«А.А. Ванееву и некоторым из его товарищей пришлось участвовать, перед отправкой их в ссылку, на одном частном собрании, где сошлись «старые» и «молодые» члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», ⁵⁵ – писал впоследствии В.И. Ленин в работе «Что делать?» Здесь, на этой встрече, явственно обнаружился уклон молодых участников революционного движения в сторону «экономизма». В разгоревшейся полемике В.И.Ульянов резко критиковал намечающийся оппортунизм «молодых».

В один из трёх дней, проведённых на свободе, товарищи сделали коллективный снимок. ⁵⁶ «Мы, осуждённые члены «Союза», позволили себе даже небывалую и не вполне конспиративную вольность: снялись... в группе, снимки которой широко распространились в радикальных кругах», – вспоминал Ю. Мартов. ⁵⁷

На известном снимке – руководящая группа «Союза борьбы»: В.И. Ульянов, Г.М. Кржижановский, В.В. Старков, А.А. Ванеев, П.К. Запорожец, Ю.О. Цедербаум (Мартов), А.Л. Малченко. (**Подробнее – в приложении №2 «К истории одной фотографии»**).

Эта групповая фотография была у всех запечатлённых на ней. Находясь в московской Бутырской тюрьме перед отправкой в Сибирь, получил фотографию и Ванеев. ⁵⁸ Эта фотография последовала с высылаемыми в Сибирь. В мае 1898 года Сильвин писал из с. Тесинского в Саратов своей невесте, что рядом с её фотографией «стоит группа арестованных вместе с Анатолием». ⁵⁹

В насыщенные встречами и событиями дни свободы рядом с Анатолием Александровичем была Доминика. С.П. Невзорова вспоминала об одной из встреч в эти дни: «Когда Ванеев вышел ко мне молодой, коренастый, весёлый, с ласковыми голубыми глазами, не думалось,

что через два с половиной года он погибнет от туберкулёза. Он горячо любил жизнь, был полон надежд и счастливых мечтаний, рассчитывал и в Сибири прожить... три года ссылки. За ним ехала его невеста Доминика Труховская, чудесный человек и товарищ».⁶⁰

Быстро пролетели дни на свободе... В последний из них А.А. Ванеев писал Н.А. Рукавишниковой: «Ура, ура! Третий день на свободе. Верчусь, как белка в колесе, сплю по 2-3 часа в сутки, чтобы ни грана свободы не потерять напрасно. Ведь завтра опять тюрьма...».⁶¹

Рукавишникова (Ускова) Нина Алексеевна (1873 – 1945) – слушательница фельдшерских курсов при Нижегородской земской больнице. С 1891 года – участница Нижегородского марксистского кружка. В конце 1897 года была арестована, получила 3 месяца тюрьмы и 2 года гласного надзора полиции. Называлась кузиной (двоюродной сестрой) Ванеева потому, что власти разрешали переписку только с родственниками.

Следующим этапом стала московская Бутырская пересыльная тюрьма, где товарищи находились до отправки в Сибирь. После долгого пребывания в одиночке Ванеев оказался в камере, в которой находились десять человек. «Постоянно шум, сосредоточиться нет никакой возможности... Я и прежде никогда не любил всё время бывать на людях, а теперь, после многих месяцев уединённой жизни, тем более»,⁶² – писал он из «Бутырки».

Но нет пессимизма в его письмах: «Жизнь войдёт в постоянное русло... Но и теперь не надо унывать. Будем счастливы тем счастьем, которое выглядывает из-за туч настоящего».⁶³

Находясь в Бутырской пересыльной тюрьме, Ванеев и его товарищи продолжали поддерживать связь с волей и через старшую сестру Владимира Ильича А.И. Ульянову-Елизарову. «Пиши на тот же адрес сестре Старика» («Старик» – партийная кличка В.И. Ульянова – В.Т.),⁶⁴ – просил Анатолий Александрович Д.В. Труховскую.

В Москву, чтобы повидаться и проститься с сыном перед его отправкой в Сибирь, приехала Анастасия Ивановна Ванеева. С матерью у Анатолия были очень тёплые отношения. М.А. Сильвин так описал мать своего друга: «Маленькая, худенькая женщина, беззаветно любившая детей и мужа. Очевидно, именно от неё унаследовал Анатолий душевную мягкость и ту особую деликатность в отношении к людям, которая для всех нас делала его таким приятным, симпатичным».⁶⁵

Мать тяжело переживала арест и предстоящую ссылку любимого сына. Но ни слова упрёка в её письмах. «Всю свою прежнюю жизнь вспоминаю, как ты трудился для нас и с детства не видел никаких удовольствий, кроме трудов, и теперь в таких юных годах испытываешь тяжёлый крест»,⁶⁶ – писала она Анатолию в тюрьму. К этому письму его старшая сестра Александра сделала приписку: «Дорогой Толя! Я только думаю всё о тебе, всё бы променяла на тебя, только бы жить около тебя, или только видеться с тобой... Для меня всё погасло...».⁶⁷

Трогательные письма родных передают атмосферу этой семьи – атмосферу любви, заботы, взаимопонимания.

В одном из писем к родным из тюрьмы Анатолий сделал для матери специальную приписку: «В ответ на горячее желание мамы скорее увидиться со своим сыном, отвечу стихотворением, конечно, не собственного сочинения:

*«Мне снилось сегодня в далёком краю:
В слезах я родимую видел свою...
– Скажи, мой желанный, скажи дорогой,
Дождусь ли тебя я, соколик, домой!
Взгляни, мои очи ослепли от слёз,
И снега белей стали пряди волос.
Всё чуждятся мне наяву и во сне
Страданья твои в чуждедальной стране.
Всё слышу знакомую поступь и речь,
Нельзя мне спокойно ни пить и ни есть.
– О, матушка, милая! Рад бы душой
Тебя я утешить, – вернуться домой
Хотя были б три жизни даны мне в удел –
Всё отдал бы, всё, – и к тебе прилетел,
Но душу живую посмею ль продать?
Могла ли б за сына меня ты признать?
И слёзы лились у родимой рекой,
И грустно качала она головой».*⁶⁸

Это стихотворение «Матери» принадлежит перу поэта-народовольца П.Я. Якубовича.

Спустя 10 дней мать отвечала сыну: «Дорогой мой Толя! Спасибо тебе за стихи. С каким удовольствием читаю их каждый день

и обливаюсь слезами, что ты всё сидишь взаперти». ⁶⁹ Стихи эти в семье неоднократно переписывались для матери.

Прощаясь с сыном, Анастасия Ивановна подарила ему полотенце. Руками матери были вышиты на украшенном орнаментом полотенце слова, которые хорошо отражали её душевное состояние: «Тоскнет сердце, замирает, слёзы катятся из глаз, скука душу рываает каждый день и каждый час».

Сердце матери предчувствовало, что прощаются они навсегда, и сына мать больше никогда не увидит.

Это полотенце бережно хранилось Анатолием Ванеевым как память о последней встрече с матерью. Спустя десятилетия эта дорогая семейная реликвия была передана родственниками А.А. Ванеева в мемориальный музей-заповедник «Сибирская ссылка В.И. Ленина» (ныне – Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское») и хранится в его фондах.

25 марта 1897 года Анатолий Ванеев в партии политических ссыльных был отправлен из Москвы. Это была первая в России партия политических ссыльных, которая следовала в Сибирь по железной дороге. Десять суток длилась поездка в душном и грязном арестантском вагоне – эта «десятидневная пытка», ⁷⁰ – по словам Ванеева. «Девятый день путешествия кончается. Тысячи вёрст промелькнули перед глазами, а всё ещё не видно конца», ⁷¹ – писал он 2 апреля в Нижний Новгород Н.А. Рукавишниковой.

Владимир Ульянов, приехавший в Красноярск по проходному свидетельству раньше, с нетерпением ждал прибытия партии арестованных товарищей. Он писал матери 15 марта: «Жаль ужасно, что ничего не известно о партии. Я уже и ждать перестал телеграммы от Анюты, решив, что ей не удаётся ничего узнать или что вышла задержка». ⁷² Спустя 10 дней Владимир Ильич получил телеграмму о выезде, «обрадовался ей несказанно». ⁷³ «Теперь мы считаем дни и «едем» с почтовым поездом, вышедшим из Москвы 25-го», ⁷⁴ – писал он родным. Наконец, 4 апреля партия ссыльных прибыла в Красноярск. Ульянов пришёл встретить товарищей, но долгожданная встреча не состоялась. Вот как описывал события этого дня А.А. Ванеев в письме к Д.В. Труховской: «Прибыли в Красноярск утром и сейчас же были отправлены в тюрьму. Оригинальная картина: несколько

простых телег с соломой... , а кругом двойная стража из местных казаков с ружьями и московского конвоя с обнажёнными шашками». ⁷⁵ Утомительная поездка в арестантском вагоне плохо отразилась на здоровье Анатолия Ванеева. Зная о болезни друга, Владимир Ильич советовал ему ходатайствовать о назначении местом ссылки округа с более мягким климатом. «Ужасно жаль, что об Анатолии Александровиче не хлопотали тоже, чтобы ему в Минусинский округ, – сетовал он в письме от 5 апреля 1897 года – для него, после перенесённого плеврита, это было бы очень важно. Мы послали в С-Петербург телеграмму, чтобы начали об этом хлопотать...». ⁷⁶

Перед началом навигации Ванеева и Мартова освободили из тюрьмы для следования в Туруханскую ссылку. «Я с 23-го (апреля – В.Т.) нахожусь на свободе», ⁷⁷ – сообщал Ванеев из Красноярска. Вместе с Владимиром Ильичём он прожил неделю в доме К.Г. Поповой. «Устроился здесь пока недурно. В нашем распоряжении большая комната, прекрасный обед, ужин. За всё, включая и чай, платим 60 коп. в день. Живём в частном доме, а не в гостинице. Хозяйка замечательно добрая женщина и с большой любовью относится к ссыльным», ⁷⁸ – писал А.А. Ванеев родным в Нижний Новгород.

Быстро пронеслась эта неделя на свободе. Она порадовала общением с друзьями, знакомством с красноярскими марксистами, прогулками по незнакомому сибирскому городу.

30 апреля А.А. Ванеев провожал В.И. Ульянова, Г.М. Кржижановского, В.В. Старкова. «Сегодня проводил трёх товарищей, назначенных в Минусинский округ. (В Минусинск навигация уже открылась). Весёлыми и жизнерадостными уехали они ... Один – в село Шушенское, двое других – в Тесинское», ⁷⁹ – писал он Н.А. Рукавишниковой.

Несмотря на болезнь, местом ссылки Анатолию Александровичу был назначен далёкий и холодный Туруханск. Но отправиться туда до начала навигации Ванеев отказался, так как пришлось бы ехать на почтовых лошадях за свой счёт, а это было очень дорого (около 50 руб.). Владимир Ильич, бывший благодаря обширной переписке в курсе всех событий, в мае 1897 года писал родным: «Анатолия и Юлия (Цедербаума – В.Т.) опять засадили в тюрьму: они не хотели ехать, не дождавшись навигации, и вот генерал-губернатор распорядился, чтобы они ждали в остроге!!! Пароход в Енисейск должен был идти из Красноярска в 20-х числах мая». ⁸⁰ Так А.А. Ванеев сно-

ва оказался в тюрьме. Принесённые им с собой вещи были осмотрены, но обыскать себя Ванеев не дал, и был заперт в камере. «Всё ещё проклятая тюрьма г. Красноярска!!»,⁸¹ – писал он 12 мая.

Красноярский тюремный замок построен в 1850 году. В настоящее время функции первоначального предназначения не изменились. В 2009 году в действующем следственном изоляторе открыт музей «Красноярский тюремный замок».

К этому периоду относится прошение Ванеева, адресованное товарищу прокурора, заведующему надзором за Красноярской тюрьмой, такого содержания: «Ввиду грубого и произвольного образа действий временно заведующего тюрьмой по отношению ко мне и моему товарищу (Ю.О. Цедербауму – В.Т.), честь имею просить Ваше высокородие явиться в тюремный замок для выслушивания лично нашей просьбы об ограждении нас от постоянных оскорбительных притеснений. Анатолий Ванеев».

Цитируется по копии архивного документа, хранящегося в фондах музея-заповедника «Шушенское». История появления этого документа такова. В апреле 1985 года в Шушенском проходил симпозиум «Революционное движение в России в конце XIX – начале XX вв.» Участники симпозиума побывали в Ермаковском, посетили могилу А.А. Ванеева на сельском кладбище. Здесь, у его могилы, слово попросил В.С. Эмексузян (1940 – 1993) – кандидат исторических наук из Красноярска. Он сообщил о находке в Государственном архиве Красноярского края нового документа о А.А. Ванееве и зачитал присутствующим его содержание.

Этот письменный протест прозвучал в защиту всех политических ссыльных, которых глубоко оскорбляло то, что обращаются с ними, как с уголовниками.

Когда Анатолий Александрович, следуя к месту ссылки, доехал до Енисейска, его осмотрел врач А.Пиотровский, нашёл состояние здоровья слабым, порекомендовал пребывание в местности с более умеренным климатом, чем в Туруханске. По состоянию здоровья Ванееву разрешено было отбывать ссылку в г. Енисейске, ведь, в противном случае, Анатолию предстоял бы этапный путь по Енисею на лодках, что губительно сказалось бы на его здоровье. Уже зная об этом раз-

решении, Ванеев написал в Нижний: «Хотя меня доктор и согласился оставить, но я решил всё же ехать: **я не мог допустить, чтобы мои товарищи подвергались большому неудобству, чем я...**».⁸² (Выделено мною – В.Т.). Но акт освидетельствования состояния здоровья был суров: туберкулёз. Вскоре Владимир Ильич сообщал своим родным, что его друг остался в Енисейске. «...Врач, освидетельствовавший его по распоряжению генерал-губернатора, нашёл его слабым. Вероятно, он попадёт теперь в Минусинский округ. Может быть, и ко мне».⁸³ Однако, решения о переводе Анатолия Александровича в более южные местности Енисейской губернии не последовало. Ссылку ему предстояло отбывать в г. Енисейске.

Город произвёл на Ванеева хорошее впечатление, главным образом потому, что там была, по его словам, большая свобода и совсем иное отношение обывателей к политическим ссыльным.⁸⁴ Анатолий Александрович пришёл в восторг, узнав, что есть и книжный магазин, и библиотека. «Пойдёшь в библиотеку – к твоим услугам все новые журналы..., все русские известные писатели ... Есть и книжный магазин, в котором можешь найти все вновь вышедшие книги. ... Работать можно будет чудесно»,⁸⁵ – писал он из Енисейска. Действительно, в этом городе выписывались многие газеты и журналы. В «Сведениях о периодических изданиях, получаемых в Енисейск в 1897 году» упоминается 75 названий изданий только из Петербурга, 17 – из Москвы, 4 – из Томска, 2 – из Красноярска, а также издания из Иркутска, Читы, Риги, Самары, Саратова, Вятки, Тюмени, Варшавы.⁸⁶ В этом городе по сравнению с Туруханском, куда почта доставлялась 9 раз в год, не было такого удручающего чувства оторванности. «Я ничего так не боюсь, как оторванности»,⁸⁷ – признавался Анатолий Александрович в одном из писем.

Но уже вскоре пришло разочарование. «Тоскливо чувствую себя среди своих новых знакомых... Тина житейской пошлости здорово их засосала...»,⁸⁸ – писал он.

Жизнь Ванеева, как и всех политических ссыльных, регламентировалась «Положением о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» (1882 год). В «Положении» – 40 пунктов. Это, в основном, ограничения и запреты. У поднадзорных отбирались документы и вид на жительство, взамен которых выдавалось свидетельство на проживание в назначенной им для того местности (п.6). Некоторые пункты «Положения» особенно глубоко унижали человеческое достоинство. Так, в пун-

ктах 18 и 19 местной полицейской власти предоставлялось право входа в квартиру поднадзорного в любое время суток и право производить у него обыски и выемки. В отдельных случаях предусматривался и просмотр корреспонденции поднадзорного.

Копия «Положения о полицейском надзоре...» экспонируется в музее-заповеднике «Шушенское».

4 августа 1897 года в письме Анатолия Александровича к Н.А. Рукавишниковой появились такие строки: «...Сообщи тебе ещё один эпизод из нашей жизни, сильно взволновавший нас. До сих пор мы очень мало чувствовали подневольность нашего положения. Лишь еженедельная расписка в книжке надзирателя напомнила нам, что мы «крепостные» в некотором роде. Но вот сюда назначили нового исправника из России (ох, уж эти чиновники из России), и начались «прижимки». Прежде всего, было обнаружено посягательство на нашу свободу действий. Возвратившись как-то с охоты, мы были приглашены к исправнику, который потребовал представления в полицию ружей на том основании, что поднадзорные не имеют права иметь огнестрельное оружие. Тогда я потребовал указать мне такой закон, но писаного закона не оказалось, и он был сформулирован нам в таком виде: «Я вам приказываю».

Мы категорически заявили, что таких приказаний не принимаем и ружей не возвратим. Произошло довольно крупное объяснение, в результате которого пришлось жаловаться губернатору. Ружей же так и не отдали... Все такие столкновения неприятны в том отношении, что мы, в сущности, вполне находимся в распоряжении исправника, и в зависимости от того или иного отзыва исправника о нашем поведении решается вопрос о надбавках к сроку и даже переводе в более худшее и отдалённое место».⁸⁹

Но опасность увеличения срока ссылки или перевода в более глухое место не помешала Ванееву выступить против самоуправства и самодурства местных властей. Более того, в газете «Степной край» от 27 августа 1897 года появилась корреспонденция из Енисейска, в которой рассказывалось о неправомочных действиях местного исправника.

Хотя корреспонденция из Енисейска была анонимной, сверив её текст с текстом подробного письма Ванеева к Рукавишниковой, красноярский ис-

следователь П.Н. Мешалкин (1927-1998) совершенно обоснованно утверждал, что автором этого материала в «Степном крае» был А. Ванеев.

«Новый енисейский исправник г. Стоянов задался, по-видимому, целью упразднить в своём округе действующие русские узаконения и водворять на их место собственные, в форме циркулярных предписаний на имя волостных правлений и других учреждений. Так, на днях он сделал распоряжение об отобрании оружия у административных ссыльных округа, хотя законом это право предоставляется только губернаторам. Затем, циркуляром на имя волостных правлений он запретил выдачу ссыльно-поселенцам округа, без всякого изъятия, каких-либо документов на право отлучки из места приписки, т.е. за черту назначенного селения, исключая билетов для работы на приисках. Это предписание, ставящее в безвыходное положение массу ссыльно-поселенцев, потому что во многих пунктах поселения нельзя купить даже хлеба, в особенности тяжело для разного рода ремесленников, техников, механиков и т.д., которые составляют очень большой процент ссыльных. Им не только нельзя найти в деревне какую-нибудь работу, но, без права отлучки в город или базарные села, нельзя даже запастись инструментом и нужным для работы материалом. Помимо своей неисполнимости, предписание это прямо противоречит закону. Первое лишает права всех поселенцев, без малейших изъятий, отлучаться за черту своего селения; второй – никого из них не лишает права отлучаться по надобности из места приписки, с тем лишь, чтобы на эту поездку брались из волостных правлений соответственные документы. Помимо этих временных отлучек закон предоставляет поселенцам право жительства: до истечения двух лет – в пределах волости, по истечении двух лет – в пределах округа и по истечении десяти лет – в пределах губернии, исключая губернских городов.

Все эти льготы с их подразделениями упраздняются г. окружным исправником одним росчерком пера. Заканчиваются предписания угрозой немедленно увольнять от должности волостных писарей, которые позволяют себе малейшее отступление от этого предписания».⁹⁰

Конечно же, эту историю с ружьём Ванеев поведал в одном из писем другу В.И.Ульянову, тем более что и у него тоже в ссылке было ружьё, и вся эта история была для него небезынтересна. Кроме того, Владимир Ильич, будучи юристом, мог дать квалифициро-

ванный совет как вести себя в завязавшейся тяжбе с исправником.

Подтверждением того, что Владимир Ильич был в курсе этого енисейского дела, является его письмо родным от 14 февраля 1898 года: «Затем новость – новый исправник, приехавший из Енисейска (тот самый, который отбирал там ружья)».⁹¹

В том же письме Н.А. Рукавишниковой, где рассказывалось о конфликте с исправником по поводу ружей, А.А. Ванеев сообщил, что 29 июля получил телеграмму от Доминики Васильевны о том, что она выехала к нему. «Теперь чутко прислушиваюсь к пароходным свисткам. Первый пароход из Красн(оярска) доставит мне мою невесту».⁹²

В одном из писем Анатолия Александровича дан словесный портрет Доминики Васильевны: «Она типичная малороссиянка: полное лицо, чёрные вьющиеся волосы, большие тёмные глаза. Говорит с небольшим акцентом, но медленно. Производит впечатление серьёзной, энергичной женщины, но в её улыбке, в выражении глаз так ещё много детски-наивной задушевности и мягкости, что этот контраст в состоянии разгладить морщины на самом суровом челе. Если к этому я ещё добавлю, что она среднего роста, хорошо сложена, – то портрет будет закончен. В её характере – вообще сильном и твёрдом – много женственной мягкости, много доброты».⁹³

Доминика Васильевна стеснялась своего купеческого происхождения и писала об этом жениху. «Как могла ты допустить мысль, что сословные предрассудки могут в чём-нибудь изменить моё отношение к тебе! – успокаивал её Ванеев. – Пройденная тобой школа ещё более возвышает тебя в моих глазах. Она ручается мне, что я найду в тебе лучшего товарища в той суровой, беспощадной борьбе, которой я посвятил свою жизнь. Если ты нашла в себе достаточно энергии, чтобы разбить семейные цепи, гнёт которых тягостел на тебе с детства, то борьба с рабством общественным не сможет уже устрашить тебя. А это единственное требование, которое я ставлю подруге моей жизни. Что мне за дело до той среды, в которой ты выросла!».⁹⁴

«19 октября мы повенчались с Доминикой»,⁹⁵ – писал Анатолий Александрович Н.А. Рукавишниковой. В Енисейске сохранился свидетель этого события – церковь Успения. В Метрической книге Градо-Енисейской Успенской церкви за 1897 год в разделе «О бракосочетавшихся» появилась запись: «19 октября браком сочетались административно-ссылный сын чиновника Анатолий Александрович Ванеев 25 лет, православный, первым браком, и

домашняя учительница Доминика Васильевна Труховская, 23 лет, православная, первым браком».⁹⁶

«Самая свадьба, положим, менее всего отняла времени, – рассказывал в письме в Нижний Новгород Анатолий Александрович. – Встали рано утром, оделись (разумеется, как всегда, не по-свадебному же!) и отправились в церковь, заехав по пути за свидетелями. О свадьбе никто не знал, народу никого не было. Повенчались – и домой. Даже гостей не звали. Только всего и народу, что трое свидетелей».⁹⁷ Метрическая книга сохранила их имена: поручителями по жениху названы дворянин Василий Петрович Арцыбушев и С.-Петербургский мещанин Николай Назарьевич Григорьев, а по невесте – белостокский мещанин Евгений Александрович Беллах.

Радость встречи с дорогим человеком на сибирской земле была омрачена арестом Доминики Васильевны. «По высочайшему повелению, последовавшему 22 дня октября 1897 года о распространении на С.-Петербургских фабриках преступных воззваний «Рабочий праздник 1 Мая» подвергнута тюремному заключению на 3 месяца с подчинением затем гласному надзору полиции на 2 года вне столиц, столичных губерний, университетских городов, а также местностей, в коих Министерством Внутренних дел будет признано пребывание Труховской нежелательно», – говорилось в «Ведомости о лицах, состоящих под гласным надзором полиции в Енисейской губернии».⁹⁸

«Опять повеяло одиночеством! ... Какое бесчеловечье: наказывать тюрьмой человека, который добровольно уехал в ссылку...»,⁹⁹ – писал Ванеев в Нижний Новгород. В. Ульянов вскоре сообщил родным: «Анатолий всё волнуется из-за своей жены, которую посадили в Енисейске (на 3 месяца), камеры-де холодные, а она ещё расхворалась. Скверно! Куда бы лучше отсидеть в России!».¹⁰⁰

Доминика Васильевна отбывала тюремное заключение в Енисейском тюремном замке, а по окончании 3-х месячного срока – 18 февраля 1898 года – была освобождена из тюрьмы и подчинена гласному надзору полиции в г. Енисейске.¹⁰¹ «Анатолий «выручил», наконец, после долгих мытарств жену»,¹⁰² – писал Владимир Ильич родным.

Один из пунктов «Положения о полицейском надзоре...» запрещал поднадзорным заниматься педагогической, общественной деятельностью, читать публичные лекции и т.д. Царское правительство предпочитало платить ссыльным ежемесячное казённое пособие, только чтобы не допустить тесных контактов ссыльных с

местным населением, догадываясь, какого рода стала бы педагогическая и лекционная деятельность ссыльных революционеров.

В то же время было много случаев, когда использовались технические знания невольных жителей Сибири. Предприниматель, бравший на работу гласно-поднадзорного, давал поручительство за его благонадёжность. Устроившись на работу, поднадзорный переставал получать пособие.

Анатолию Александровичу без объявления причины отказали в получении казённого пособия. Прожив первые 3 месяца в Енисейске без пособия, он пришёл в отчаяние и 25 августа 1897 года обратился к иркутскому генерал-губернатору с прошением, в котором писал: «... отказ в пособии ставит меня в настоящее время в безвыходное положение. В Енисейске я живу уже три месяца, но, несмотря на усиленные поиски, смог за всё это время заработать всего 2 руб. 50 коп. частной перепиской. А между тем этого рода заработок при запрещении заниматься педагогической деятельностью и в общественных учреждениях является единственно доступным для меня ... В то же время я не могу рассчитывать ни на какую помощь извне.

Мой отец – чиновник нижегородского окружного суда. Получая в месяц 50 руб. жалованья, он принуждён на эти средства содержать семью, состоящую из матери, сестры и брата. Таким образом, всякая помощь с его стороны невозможна. Обучаясь последние три года в С.-Петербургском технологическом институте, я должен был сам содержать себя педагогической деятельностью и чертёжными работами, здесь же до сих пор я существовал на те средства, какими снабдили меня мои знакомые при отправке меня в Сибирь.

Ввиду того, что местная администрация не считает нужным считаться со всеми этими фактами, я позволю себе обратиться непосредственно к Вашему высокопревосходительству и просить о назначении мне пособия до приискания мною постоянного заработка».¹⁰³

Вскоре Ванеев, несмотря на болезненную слабость, нашёл заработок. «... Со 2 окт(ября) я поступил к инженеру, заведующему работами на р. Ангаре. Работать приходится с 9 до 4-х часов. Работа довольно утомительная (черчение). Прихожу всегда усталый»,¹⁰⁴ – рассказывал он в одном из писем.

В жандармских документах появилась запись: «В городе Енисейске имеет занятие в конторе инженера Чернцова под ответственностью последнего. Пособие не получает».¹⁰⁵

В Енисейске сохранилось кирпичное здание, в котором находилась контора техучастка, где работал А. Ванеев в конце XIX века.

Через несколько дней после устройства Ванеева на работу В. Ульянов сообщил своим родным: «Анатолий нашёл работу – временно».¹⁰⁶ Письма Владимира Ильича домой с постоянной информацией о жизни Ванеева подтверждают, что переписка между друзьями была регулярной, и Анатолий Александрович был другом всей семьи Ульяновых. Несмотря на болезнь, арест жены, материальные трудности, Анатолий Александрович много работал. В одном из писем Доминике в енисейскую тюрьму он рассказывал: «Налягу на себя – и работаю тогда бешено. Дохожу до того, что сижу, не отрываясь от стола, до утра. В воскресенье, например, засел в 7 часов вечера и бросил перо без четверти семь. Писал корреспонденции, рецензии, письма. Написал уйму, так что потребовалось целых одиннадцать марок, чтобы отправить всё это. ... Я обещал – и взялся уже за работу – написать обзор енисейской жизни за минувший год. Материала набралось порядком: номера на 3 хватит. Да и рецензии стал подгонять. На днях примусь ещё за другую работу – занятия химией... Голова полна планами, и скуке ... не остаётся местечка в моём обиталище».¹⁰⁷

Анатолий Александрович не позволял себе опускаться, отчаиваться. Пессимизм – плохой союзник в трёхлетней сибирской ссылке. Спасенье – в работе, в переписке с друзьями-единомышленниками, родными. Переписка была постоянной и очень поддерживала, особенно в первое время, когда рядом не было Доминики. Сюда, в Енисейск, шли письма из Шушенского от Владимира Ульянова. 17 июня 1897 года Ванеев писал Н.А. Рукавишниковой: «Получил на днях письмо от товарища У. (Ульянова – В.Т.)».¹⁰⁸ «Переписывались обо всём, – вспоминала Н.К. Крупская, – о русских вестях, о планах на будущее, о книжках, о новых течениях, о философии».¹⁰⁹ Благодаря переписке Владимир Ильич был постоянно в курсе всех событий в жизни друга и часто сообщал о них своим родным. Из 85 опубликованных писем В.И. Ленина периода сибирской ссылки в 17 находятся сведения об Анатолии Александровиче. Часто писал Ванеев и своим товарищам в Нижний Новгород. М.Г. Григорьев вспоминал: «В памяти у меня осталось... письмо Анатолия из ссылки, где он сообщал о том, что болен и что надеется на выздоровление, причём восторженно отзывался о

Доминике Васильевне».¹¹⁰ Постоянной была переписка и с другом-нижегородцем, товарищем по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» М.А. Сильвиным. «Недавно получил письмо от Сильвина. Его назначили в село Тасеевское Канского уезда»,¹¹¹ – сообщал Ванеев родным. Переписывался Анатолий Александрович и с другими политическим ссыльными. Из письма Ванеева товарищу в Средний Колымск становится ясно, что писал Анатолию Александровичу и Н.Е. Федосеев – известный в России революционер, один из первых пропагандистов марксизма. «Недавно узнал от Федосеева, что Вас упрятали ... в Средний Колымск»,¹¹² – писал он Строжецкому.

Самыми аккуратными корреспондентами Анатолий Александрович называл книжных торговцев. Он много читал в ссылке, выписывал книги. «Завтра выписываю от Калмыковой Дж. Гобсона «Эволюция современного капитализма» ... и Эмилия Крепилина «Гигиена труда» ... (Последнюю больше для рецензии)».¹¹³

Очень вдохновлял Ванеева пример друга, который много занимался в Шушенском, доказав, что «можно и в глуши работать».¹¹⁴ Фундаментальное исследование процесса развития капитализма в России требовало массу специальной литературы. В августе 1897 года А.Ванеев писал в Нижний Новгород: «Один из моих товарищей, Вл(адимр) Ил(ьич), просил меня достать для него два земских сборника – по Нижегородскому и Балахнинскому уездам».¹¹⁵ А через некоторое время в письме к Н.А. Рукавишниковой благодарил её за присланные сборники и просил выслать новые, добавляя при этом: «не для меня, конечно».¹¹⁶ Так помогал Анатолий Александрович другу в его теоретической работе.

Книга В.И. Ульянова «Развитие капитализма в России» вышла в свет легально в марте 1899 года в издательстве М.И. Водовозовой. И, конечно же, её автор и на этот раз разослал экземпляры своей книги товарищам. Так было и со сборником «Экономические этюды и статьи». Владимир Ильич писал тогда старшей сестре: «... напиши, пожалуйста, чтобы мне выделили 25 экземпляров авторских: я разошлю товарищам и знакомым».¹¹⁷ Через некоторое время он сообщил: «Здесь товарищам я всем послал».¹¹⁸

Вскоре после выхода в свет книги «Развитие капитализма в России» автор озабоченно спрашивал: «Всем ли по моему списку отправил Митя мою книгу?».¹¹⁹ Без сомнения, книги, написанные

Ульяновым в годы ссылки, получал и Ванеев.

Анатолий Александрович рассказывал ссыльным Енисейска о деятельности петербургского «Союза борьбы», о его организаторе, о задачах революционных социал-демократов. Жившая в то время в Енисейске Е. Замысловская позднее вспоминала: «... мы, енисейцы, от А.А. Ванеева ... знали, что творится в Питере, какую кипучую революционную работу вёл Владимир Ильич до ссылки».¹²⁰

В недолгой жизни Анатолия Ванеева почти двухлетний енисейский период занимает заметное место. Несмотря на все трудности ссылки, он не отчаивался, много работал над собой, вёл обширную переписку, публиковался в сибирских газетах, протестовал против притеснений властями политических ссыльных. И не случайно в жандармском отчёте за 1897 год по Енисейскому округу ему была дана такая характеристика: «... Самая вредная личность из числа всех гласно-поднадзорных по своему влиянию на людей, приходящих в соприкосновение с ним».¹²¹

Власти искали повод расправиться с «неудобным» ссыльным. И такой повод вскоре представился. Бежавший из ссылки 1 сентября 1898 года В. Махновец зашёл на квартиру Ванеева в его отсутствие, и это дало основание обвинить Анатолия Александровича в содействии побегу. Появился полицейский документ, в котором говорилось: «... о побеге Махновца знали административно-ссыльные в г. Енисейске Анатолий Ванеев и его жена Доминика, а также и негласно-поднадзорный Евсей Беллах. К Ванеевым же, как известно, но только неизвестно ещё пока, когда именно, Махновец прислал свою плетеную корзину, которую затем ... при отъезде из Енисейска вынес ночью от Ванеевой. Сопоставляя отлучку Ванеева в с. Казачинское, в разрешённый ему по телеграмме отпуск, предполагаю, что Ванеев, будучи в с. Казачинское, где много поднадзорных, мог способствовать скорейшему побегу Махновца и должен был видеться с ним в Казачинском, откуда вернулся в Енисейск на пароходе в ночь на 3 сентября, ничего не говоря до обнаружения побега Махновца, что он у него был».¹²²

23 ноября 1898 г. иркутский генерал-губернатор сообщал енисейскому губернатору: «Из переписки о побеге из места водворения административно-ссыльного Владимира Махновца видно, что административно-ссыльные Анатолий Ванеев и его жена Доминика Ванеева способствовали побегу Махновца или, по крайней

мере, знали о его намерениях и сохраняли это в тайне. Усатривая из означенного поступка Ванеевых наклонность их к продолжению преступной деятельности, я признал необходимым поместить названных супругов на водворение в с. Анциферовское...». ¹²³

Владимир Ульянов сообщал матери: «... Анатолий всё хворает. С ним случилась ещё невзгода: пришёл приказ перевести его в с. Анциферово (несколько десятков вёрст к северу от Енисейска по дороге в Туруханск) – новая ссылка в наказание за то, что ссыльный Махновец (пришедший нынче зимой) бежал и дал кому-то адрес Анатолия. Из этого заключили самым непостижимым образом, что Анатолий должен был знать о бегстве! Пока Анатолия не высылают по болезни, – он не выходит даже». ¹²⁴

О случившемся с Ванеевым, о его болезни знали и другие товарищи Анатолия Александровича. Отбывавшая ссылку в Казачинском член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» А.А. Якубова 5 декабря 1898 года обратилась к енисейскому окружному исправнику с просьбой разрешить ей съездить в Енисейск для свидания с больным А.А. Ванеевым. ¹²⁵ Это прошение было оставлено без последствий. ¹²⁶ Аполлиария Александровна 15 февраля 1899 года снова обратилась с прошением, на этот раз – к енисейскому губернатору: «...Здоровье Ванеева не только не улучшается, но, по окончательному приговору доктора, он доживает последние дни». ¹²⁷ А.А. Якубовой было дано разрешение пробыть в Енисейске 3 недели. ¹²⁸ Об этом знал и Владимир Ильич. «Аполлиарию Александровну пустили на 3 недели в Енисейск», ¹²⁹ – писал он матери 7 марта 1899 года.

Перед отъездом из Енисейска от Ванеевых 18 марта 1899 года А.А. Якубова написала: «Сегодня уезжаю. Время пролетело незаметно у постели больного. Вся душа изболелась только глядя на него и на Дом(ини)ку... Теперь всё время А(натолий) жил мыслью об отъезде в Тунку, куда его перевели. Но за последние дни произошло такое ухудшение, что везти его в таком состоянии нечего и думать». ¹³⁰ А.А. Якубова в прошении писала правду – Ванеев, действительно, был тяжело и безнадежно болен. Положение усугублялось перенесённым тифом. «Анатолий всё хворает, бедняга, недавно вынес тиф, и остались какие-то осложнения в лёгких и сердце, – писал Владимир Ильич домой. – Советуем ему перепрашиваться в Минусинский округ, ибо в Енисейском климат гораздо

хуже, но он что-то упрямится».¹³¹

Доминика Васильевна воспользовалась советом – 10 января 1899 года она обратилась к Енисейскому губернатору с прошением о переводе её мужа, ввиду продолжительной болезни, в Минусинский округ, где более сухой и тёплый климат. «... Сырой, болотистый и холодный климат Енисейского уезда на его здоровье действует совершенно разрушительно»,¹³² – писала Д.В. Ванеева в прошении. Вместо этого последовало распоряжение генерал-губернатора о переводе Ванеева в с. Тунку Иркутской губернии. Вот уже выданы Ванеевым проходные свидетельства для следования к новому месту ссылки ... «Селение Тунка лежит ... в местности плоской и низменной, открытой ветрам, нагоняющим тучи песчаной пыли или вихри снега, с суровым климатом, не представляющим для лёгочных больных никаких шансов на выздоровление»,¹³³ – так описывал новое место ссылки друга М.А. Сильвин. Владимир Ильич писал матери 7 марта 1899 года: «Бедняга Анатолий всё болен, температура доходит до 40о. Говорят, что у него чахотка – от него это, разумеется, тщательно скрывают. Дело же об его переводе в Минусинский округ всё ещё не решается».¹³⁴ В этот же день Н.К. Крупская написала Марии Ильиничне Ульяновой: «... Анатолий очень болен. Доктора определили у него чахотку, и у него всё время повышенная температура».¹³⁵

29 марта супруги Ванеевы выехали из Енисейска. В Тунку следовало ехать через Красноярск. Дорогу до Красноярска Ванеев перенёс очень плохо. Врач, освидетельствовавший его в начале апреля, отметил истощение, слабость, быстро идущий туберкулёзный процесс.

Последовало разрешение о переводе в с. Ермаковское Минусинского уезда. 18 мая 1899 года енисейский губернатор сообщал иркутскому губернатору: «Г. Иркутский Военный Генерал-Губернатор разрешил административно-ссылного Анатолия Ванеева с женой Доминикой Ванеевой по болезненному состоянию перевести на жительство вместо Тунки, Иркутский губернии, в с. Ермаковское, Минусинского уезда».¹³⁶

На казённом пароходе Ванеевы добрались до Минусинска. На пристани их встретили друзья – Г.М. Кржижановский и В.В. Старков. Исправник Стоянов сообщил: «Поднадзорный Ванеев прибыл в Минусинск, наблюдается ухудшение здоровья. Просит позволить пробыть десять дней на заимке Сафьянова».¹³⁷

Друзья знали о приезде Ванеевых. «Скоро ждём Ленгника и Ванеевых», – писала А.М. Старкова. – Ванеев, по словам Гемпеля, очень плох: каждый день температура у него доходит до 39°. Все красн(оярские) врачи признали чахотку...». ¹³⁸ «Заимка эта была на крутом берегу одной из бесчисленных проток Енисея, – вспоминала З.П. Кржижановская. – По лесенке можно было спускаться в протоку и там купаться, туда к нам приезжал Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Ленгник и Шаповалов, и Ванеев с женой, проездом из Енисейска в село Ермаковское, куда он был переведён из-за туберкулёза ... Пели хором революционные песни, без конца говорили о нашей будущей жизни и деятельности». ¹³⁹

Отдохнув от трудной дороги, поймавшись с друзьями, супруги Ванеевы отправились дальше. Они были довольны тем, что местом ссылки назначено Ермаковское. Рядом, всего в 45 верстах, будут Владимир Ильич и Надежда Константиновна, вокруг друзья, единомышленники. Из переписки с товарищами Анатолий Александрович знал, что в Ермаковском благоприятный климат, и это вселяло надежду на выздоровление. Вот как охарактеризовал это село живший там политический ссыльный М.А. Сильвин: «Село большое, 1500 человек населения, окружено лесом, сбоку речка Оя...», ¹⁴⁰ «...это хорошая, гористая местность, растут арбузы и дыни, климат тёплый». ¹⁴¹

В.К. Курнатовский, отбывавший ссылку в этом селе с марта 1899 года, писал: «Ермаковское мне нравится, окрестности здесь красивые, охота великолепная, тайга всего в 30 в(ерстах)». ¹⁴² Ермаковское было крупным по тем временам волостным селом. Здесь располагались мировой судья, канцелярия крестьянского начальника, лесная школа, лесничество, министерское начальное училище, врачебный участок с двумя фельдшерами и врачом. ¹⁴³ От центра уезда – г. Минусинска – Ермаковское отделяло 75 км, а от губернского города Красноярска – 575 км. ¹⁴⁴ Вначале Ванеевы поселились в центре села недалеко от церковной площади на Крестьянской улице.

Дом отмечен мемориальной доской. Улица теперь носит имя ермаковца – Героя Советского Союза Петра Суркова.

Но вскоре товарищ Анатолия Александровича М.А. Сильвин уступил ему квартиру, ¹⁴⁵ которую собирался снять в ожидании приезда своей невесты О.А. Поперек. Но её приезд всё откладывался, и

Михаил Александрович помог перебраться туда семье больного друга. «Совершенно отдельно две комнаты с особым ходом и действительно восхитительным видом»,¹⁴⁶ – так описал квартиру М.А. Сильвин. Располагалась она в доме по улице Большой, которая упиралась в горную речку Ою. Из окон видны были отроги Саян, вечно покрытые снегом.

Дружеская атмосфера, поддержка товарищей подбодрили Ванеева, он даже нашёл в себе силы съездить к Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне в Шушенское. 20 июня Н.К. Крупская сообщала М.А. Ульяновой: «Недавно у нас гости были: во-первых, Анатолий с женой, а потом Лепешинский с женой и трёхмесячной девочкой. Анатолий выглядит совсем плохо, вряд ли поправится. ... Теперь уж Анатолию и здешний благодатный климат не поможет».¹⁴⁷

И другие товарищи отмечали болезненное состояние Анатолия Александровича. «Ванеев, бедный, очень плох, по-моему, он даже безнадежен: еле ходит, кашляет и обнаруживает все признаки скоротечной чахотки. Вдобавок материальные дела его и жены не настолько хороши, чтобы он мог пользоваться теми удобствами и жить в тех условиях, которые необходимы подобному больному»,¹⁴⁸ – писал В.К. Курнатовский. С Виктором Константиновичем Ванеев сошёлся ближе всех. Ему нравился этот мужественный человек с ярко выраженным революционным темпераментом, глубокими теоретическими знаниями. Жадно слушал Анатолий Александрович рассказы старшего товарища о его встречах и переписке с Г.В. Плехановым.

Симпатия Ванеева к Курнатовскому была обоюдной. «Из всех ермаковских товарищей он нравится мне больше всех – человек замечательно простой, деликатный. Конечно, теперь он не занимается и почти не следит за литературой, но по уровню его знаний и ума я ставлю его не ниже Глеба (Кржижановского – В.Т.). В нём пропадает редкий души человек и дельный работник», – написал об Анатолии Александровиче В.К. Курнатовский в письме Е.И. Окуловой в Киев.¹⁴⁹

Товарищ Ванеева по минусинской ссылке А.С. Шаповалов писал о нём так: «Несмотря на физическую слабость, ввалившиеся щёки, землистый цвет лица, Ванеев сохранил бодрость духа. Бросалось в глаза, что у него ум господствовал над слабым разрушающимся телом».¹⁵⁰

Владимир Ильич с тревогой следил за состоянием здоровья друга. 20 июня он сообщил матери и младшему брату: «Об Анатолии пишут из Ермаковского, что ему не лучше».¹⁵¹ Через две недели Н.К. Крупская рассказывала в письме М.А. Ульяновой: «Из Ермаковского

пишут, что Анатолий очень плох, жена Лепешинского фельдшерица, и она думает, что развязка уже недалеко. Ермаковский доктор большой оптимист и уверяет Доминику, что надежда ещё есть». ¹⁵²

В письме к родным 7 августа 1899 года Владимир Ильич благодарит за исполнение просьбы относительно Анатолия. ¹⁵³ К сожалению, достоверно не известно, о какой просьбе шла речь; возможно, она касалась лечения друга. В этом же письме выражается надежда повидать Ванеева «ещё на этих днях: говорят, он совсем плох, кровь идёт горлом страшно сильно ... Губернатор был в селе Ермаковском, и Анатолию дано разрешение ехать в Красноярск, но он и сам теперь не собирается». ¹⁵⁴

Ванеевы не воспользовались ни возможностью переехать в губернский город, ни разрешением на переезд в Минусинск, данным генерал-губернатором Горемыкиным 23 августа 1899 года. ¹⁵⁵ Ещё один переезд Анатолий Александрович просто не перенёс бы... К тому же его жена вскоре должна была стать матерью.

Болезнь товарища, мнением которого все дорожили, явилась причиной выбора местом встречи единомышленников для обсуждения и принятия «Протеста российских социал-демократов» села Ермаковское. Кроме того, здесь летом 1899 года сложилась самая крупная колония политических ссыльных. «Теперь Ермаковское самое населённое место в нашей округе», ¹⁵⁶ – писала Н.К. Крупская 3 июля 1899 года. Совещание состоялось 9 – 11 августа (по старому стилю) 1899 года. ¹⁵⁷

«Не так-то просто было обмануть бдительность полиции и собраться всем вместе, – вспоминала О.Б. Лепешинская, – но, в общем, это сделать удалось: одни получили разрешение навестить тяжело больного товарища Анатолия Ванеева, другие съехались под предлогом празднования дня рождения моей дочурки...». ¹⁵⁸ Приехавший из Тесинского Ф.В. Ленгник в поданном прошении на имя исправника Минусинского уезда писал о том, что ему нужно «навестить умирающего от чахотки товарища Ванеева». ¹⁵⁹ И А.С. Шаповалов вспоминал, что для поездки в Ермаковское он получил разрешение Минусинского исправника навестить больного Ванеева. ¹⁶⁰ Из Тесинского прибыли также Н.Н. Панин, Е.В. Барамзин, А.С. Шаповалов. Из Шушенского – В.И. Ульянов, Н.К. Крупская, О.А. Энгберг. Из Минусинска – супруги Г.М. и З.П. Кржижановские, В.В. и А.М. Старковы.

В первый день собрались у Лепешинских, в доме на Церковной

площади, так как их квартира была более просторной, чем другие квартиры, занимаемые ссыльными.

Но на этом совещании присутствовали не все. «...Нет А.А. Ванеева, умирающего от туберкулёза, нет и его жены Д.В. Труховской, не оставляющей больного»,¹⁶¹ – вспоминала хозяйка квартиры.

Заключительное заседание, на котором была принята резолюция, состоялось на квартире Ванеевых. Сильвин вспоминал: «Собрание происходило у Ванеевых. Чистая половина избы, которую они заняли, состояла из 2-х комнат, кровать Анатолия перенесли из маленькой комнаты, где он обыкновенно лежал уже совершенно больной, в большую переднюю комнату, чтобы ему было лучше слышно, и он горячо ввязался в прения».¹⁶² В числе первых, приподнимаясь на подушках, Анатолий Александрович поддержал Ульянова, выступившего против «экономизма». «Протест...» призывал русских социал-демократов к созданию в России марксистской рабочей партии и заканчивался словами: «Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма».¹⁶³ «Казалось бы, – рассуждала много лет спустя О.Б. Лепешинская, – что может значить мнение небольшой кучки сосланных в Сибирь социал-демократов, обретающихся где-то в глуши ... Но их голос прозвучал по всей России ...».¹⁶⁴

Совещание в Ермаковском было для Анатолия Александровича последней встречей с друзьями, последней возможностью личного участия в борьбе за дело, в правоту которого он искренне верил. «Уезжая из Ермаковского, я мысленно прощался с Ванеевым, – вспоминал А.С. Шаповалов. – Перед моими глазами стояло его исхудавшее лицо с ввалившимися щеками и с блестящими лихорадочной жадой жизни глазами».¹⁶⁵ Ванеев понимал, что дни его сочтены. Этот хрупкий на вид человек был сильным и мужественным. Он успокаивал и поддерживал Доминику, просил писать бодрые письма друзьям и родным, зная, как они волнуются за него.

Болезнь быстро прогрессировала... «Анатолию всё хуже и хуже»,¹⁶⁶ – писал 1 сентября В.И. Ульянов своим родным. Спустя неделю, в среду 8 сентября 1899 года, А.А. Ванеев умер. 10 сентября товарищи похоронили его на сельском кладбище. «Мы сами несли его гроб до могилы, и удивительно легок он был, так исхудал и высох Анатолий за время болезни, – вспоминал Сильвин. – ... Все мы сознавали, что

потеряли верного преданного товарища и редкого человека». ¹⁶⁷ «Он был погребён, как революционер: без попов и без ладана.» ¹⁶⁸ – писала О.Б. Лепешинская. Присутствовавший на похоронах врач местной больницы С.А. Арканов вспоминал: «...Встретились мы потом на похоронах любимого друга Владимира Ильича А.А. Ванеева, которого я наблюдал и лечил при самом конце злой чахотки, унесшей его в том же году в могилу. На могиле Владимир Ильич произнёс горячую речь, восхваляя личность покойного, подчёркивая значение его и приписывая преждевременную кончину царскому режиму, погубившему в цвете лет выдвигавшуюся силу и ярого его противника». ¹⁶⁹

Сохранились и записанные в 1946 году воспоминания старейшей жительницы Ермаковского Надежды Харитоновны Уваровой, жившей в ту пору недалеко от квартиры Ванеевых: «Было сентябрьское хмурое утро 1899 года. Из квартиры вынесли гроб с покойным Ванеевым и понесли его на кладбище. Народу было мало, провожали покойного, очевидно, только близкие друзья и товарищи по ссылке. Мы с племянником несколько в отдалении тоже пошли за гробом на кладбище. На кладбище произносились речи... После того, как гроб был опущен в могилу, все присутствующие на похоронах запели «Замучен тяжёлой неволей» ... Песню ... которую пели его товарищи, я запомнила хорошо потому, что мой племянник ... придя домой на память её записал, а потом распевал эту песню». ¹⁷⁰

На другой день после похорон Владимир Ильич писал матери: «Приходится сообщать тебе, дорогая мамочка, очень грустную новость: 8-го IX умер Анатолий и 10.IX мы его похоронили в селе Ермаковском. Надежды на выздоровление не было уже давно, и в последнее время болезнь развивалась страшно быстро». ¹⁷¹

На Абаканском железоделательном заводе товарищами Ванеева была заказана чугунная плита на его могилу с надписью: «Анатолий Александрович Ванеев. Политический ссыльный. Умер 8 сентября 1899 года 27 лет от роду. Мир праху твоему, товарищ». Насколько дальновидно поступили товарищи, заказав для могилы своего соратника эту чугунную плиту, благодаря которой удалось сохранить место, где он остался навсегда!

Много лет спустя в своих воспоминаниях О.Б. Лепешинская написала: «И до сих пор трудно вспоминать без сердечной боли об этом безвременно погибшем человеке ... Немного он прожил, почти юношей сошёл в могилу, но в сердцах тех, кто знал его, этот

образ нравственной чистоты и доброты остался навсегда».¹⁷²

После похорон все разъехались, и Доминика Васильевна осталась одна. «Тяжело пришлось этой бедной женщине пожить в нашем Ермаковском. ... Помню я, как сильно плакала и убивалась о своём муже Доминика Васильевна ... Товарищи по ссылке хорошо похоронили Ванеева на местном кладбище, устроили ему хорошую оградку, а вместо креста на могилу положили большую чугунную плиту с надписью», – вспоминала Горелова Александра Афанасьевна – жительница Ермаковского.

Эти воспоминания были записаны 31 августа 1924 года Накладовым. Цитируются по копии из фондов музея-заповедника «Шушенское».

Представление о том, как выглядела могила А.А. Ванеева первые годы после похорон, даёт любительская фотография из альбома М.А. Сильвина, который хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории.

Вскоре по предложению Лепешинских Доминика Васильевна переехала в их квартиру, а 28 сентября у неё родился сын. Об этом сообщили в Нижний Новгород родителям Анатолия Александровича. Его мать Анастасия Ивановна 10 октября приехала в Ермаковское.¹⁷³ Эта немолодая женщина, редко отлучавшаяся далеко от дома, решила на трудную, долгую, утомительную поездку, чтобы побывать на могиле старшего сына, поддержать его вдову, увидеть внука. В метрической книге Ермаковской Трёхсвятительской церкви за 1899 год в графе «О родившихся» появилась запись: «28 сентября рождён и 13 октября крещён Анатолий». В графе «Родители» записано: «административно-политический ссыльный Анатолий Александрович Ванеев и законная жена его Доминика Васильевна оба православного вероисповедания». В графе «Восприемники»: – «административно-политический ссыльный Михаил Александрович Сильвин и чиновница Анастасия Ивановна Ванеева».¹⁷⁴

Анастасия Ивановна пробыла в Ермаковском до 7 декабря. Уезжая, взяла с Доминики Васильевны обещание приехать в Нижний Новгород.

29 января 1900 года из Ермаковского уехали Лепешинские – у Пантелеймона Николаевича закончился срок ссылки. В тот же день выехали из Шушенского Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

Перед отъездом из Шушенского Н.К. Крупская собрала для Доминики Васильевны посылочку, мать её – Елизавета Васильевна – пошла кое-что для малыша.¹⁷⁵

Хотя у Доминики Васильевны срок гласного надзора ещё не закончился, она могла выехать из Сибири, но не сделала этого из-за маленького сына, которого боялась простудить в дороге. Всё свое время Доминика отдавала ему. Чтобы заработать, занималась вышиванием, шитьём рубашек для местных жителей.

Эти сведения получены от М.Г. Ванеевой, с которой автор несколько лет состояла в переписке. М.Г. Ванеева (1901 – 1976) – в девичестве Медведева. Мария Григорьевна знала Д.В. Труховскую, была её ученицей. В конце 20-х годов, после смерти Доминики Васильевны стала женой Василия Александровича Ванеева. Близко к сердцу восприняла революционные традиции новой семьи, много сделала для увековечивания памяти А.А. Ванеева. Несколько раз бывала в Ермаковском и Шушенском. Записанный на магнитофонную плёнку в 1970 году рассказ Марии Григорьевны о семье Ванеевых хранится в фондах музея-заповедника «Шушенское».

Мария Григорьевна бережно хранила семейные реликвии. Незадолго до своей смерти она прислала в музей искусно вышитую Доминикой Васильевной часть мужской рубашки. Подтверждением того, что Д.В. Труховская была мастерицей по вышиванию, которому она обучала и ермаковских девушек, является хранящиеся в фондах музея тончайшей отделки полотенца, одно из которых, с инициалами «А.В.», Доминика Васильевна вышивала как свадебный подарок мужу. Всего в фондах и экспозиции музея находятся 26 подлинных предметов из семьи Ванеевых.

Всё чаще приходила мысль: куда ехать? Доминика знала, что дома, у родителей, будет трудно: ведь они не одобряли решения дочери стать женой политического ссыльного и последовать за ним в Сибирь. К родителям мужа, в Нижний Новгород, ехать нельзя, так как он значился в списке городов, запрещённых ей для дальнейшего проживания.

23 апреля 1900 года Доминика Васильевна направила в департамент полиции прошение: «... В числе объявленных мне после двухлетнего гласного надзора изъятых губерний и городов значится и г. Нижний Новгород, где проживают отец и мать покойного мужа, от которого у меня остался грудной ребёнок. Потеряв сына, старики

Ванеевы с нетерпением ждут к себе своего внука, моего сына, который мог бы служить для них некоторым утешением в их тяжёлой утрате. Посему покорнейше прошу снять запрещение въезда для меня в г. Н-Новгород. Ответ прошу адресовать в город Александрию Херсонской губернии, куда я в непродолжительном времени думаю выехать».¹⁷⁶

С наступлением тёплых весенних дней Доминика часто ходила с сыном на кладбище, расположенное на небольшом возвышении за церковью среди молодых деревьев и густого кустарника. Могила была обнесена оградкой из берёзовых балясин, изготовленных местным мастером. Перед отъездом Доминика Васильевна привела могилу в порядок, посадила сибирские жарки. Простившись с товарищами и местными жителями, 28 мая Доминика с сыном уехала из Ермаковского.¹⁷⁷

Переехав в Нижний Новгород, она поселилась в доме свёкра Александра Степановича Ванеева. Надзор за ней продолжал осуществляться. В донесении полицейского пристава 25.1.1901 года отмечалось: «Состоящая под негласным надзором вдова сына титулярного советника Доминика Васильевна Труховская ... возвращается в кругу поднадзорных ...».¹⁷⁸

Младший сын Ванеевых, Василий (1874 – 1937), знавший Доминику ещё по работе в Петербурге, предложил ей стать его женой и вместе воспитывать маленького Анатолия. Согласившись на это предложение, Доминика Васильевна навсегда связала свою жизнь с Нижним Новгородом и семьёй Ванеевых.

У Василия и Доминики родился сын Юрий (1902 – 1975), в 1908 году двойня – Борис и Валентина. Борис был комсомольским вожакom, умер рано, 24 лет от роду.

Валентина умерла в г. Бор в 1962 году. Сведения взяты из хранящихся в музее-заповеднике воспоминаний Ю.В. Ванеева, записанных научным сотрудником Л.А. Башковой в сентябре 1970 года.

Некоторое время Ванеевы жили в городе Семёнове Нижегородской губернии, потом перебрались в село Бор (ныне город Бор Нижегородской области). Доминика Васильевна преподавала в женской прогимназии г. Семёнова и в Борской школе русский язык и литературу. После революции ездила в Москву, встречалась с Н.К. Крупской. По её совету занялась дошкольным воспитанием, воз-

главила организованный в 1919 году на Бору детский сад. Но проработала недолго: 3 марта 1920 года умерла в Борской больнице от свирепствовавшего тогда тифа.

В этом же году сын Анатолия Александровича и Доминики Васильевны Анатолий поступил в Нижегородский университет на электромеханический факультет. Но из-за тяжёлых материальных условий вынужден был одновременно устроиться в Нижегородскую радио-лабораторию, где в качестве практиканта работал у М.А. Бонч-Бруевича – одного из пионеров советской радиомеханики.

С 1924 года Анатолий Ванеев – младший работал в Центральной радиолaborатории техником, старшим лаборантом, инженером, старшим инженером. В 1932 году он становится начальником лаборатории материалов, используемых в радиомеханике. Годы работы А.А. Ванеева в Центральной радиолaborатории – это годы неустанных научных поисков. О кругозоре Анатолия Анатольевича как учёного, его профессиональной подготовке говорит тот факт, что наряду с основной работой в своей лаборатории, он с 1931 по 1937 годы работал в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина консультантом по библиографии в области электротехники и радиотехники.

С 1930 года А. Ванеев читал курс лекций по электрическим колебаниям в Ленинградском электротехническом институте, а затем в Ленинградском университете.

С августа 1937 по июль 1938 года Анатолий Анатольевич в составе группы ленинградских инженеров был командирован в США для ознакомления с аналогичным производством.

В предвоенные годы А. Ванеев подал заявление о приёме его в партию.¹⁷⁹ В это время он возглавлял самый крупный научный отдел головного института – отдел радиокерамики. Ему принадлежит ряд публикаций, свидетельство на изобретение.

Когда началась война, Анатолий Анатольевич по запросу военкомата был направлен в качестве консультанта по средствам связи в распоряжение командования Ленинградского фронта. Когда необходимость в этом отпала, учёный мог вернуться в институт, но он добровольно остался в рядах защитников Ленинграда и был направлен политбойцом в 54-й отдельный батальон связи 6-й бригады морской пехоты, сформированной в сентябре 1941 года для усиления частей Ленинградского фронта в районе «Дороги жизни». В ноябре 1941 года в ходе ожесточённых боёв с противником А.А. Ванеев пропал без вести.

Много лет спустя участники тех боёв – активисты музея НПО «Позитрон» – и группа «Поиск» 186-й школы Дзержинского района Ленинграда провели большую поисковую работу по выяснению обстоятельств гибели А. Ванеева. Его имя было занесено в список позитроновцев, павших смертью храбрых в годы Великой Отечественной войны. (Сведения взяты из статьи «След на земле» О. Беседовской – заведующей музеем ленинградского научно-производственного объединения «Позитрон». «Маяк», № 3, 19 января 1984 года).

Анатолий Анатольевич Ванеев оставил о себе добрый след в делах и памяти сотрудников института. Будучи сыном известного революционера, он никогда не заявлял об этом, так как отличался необыкновенной скромностью.

Сын Анатолия Анатольевича по семейной традиции тоже был назван Анатолием. Анатолий Анатольевич Ванеев (второй) родился 7 марта 1922 года в Нижнем Новгороде. В 1924 году вместе с родителями переехал в Ленинград. После окончания средней школы поступил на химический факультет Ленинградского университета. В 1940 году был призван в армию, в сентябре 1941-го тяжело ранен и в 1943 году демобилизован. После этого до 1945 года работал преподавателем физики в школе № 33 в Ленинграде. Тогда же посещал Студию начинающего автора при Ленинградском отделении Союза писателей. В марте 1945 года по ложному обвинению был арестован и приговорён Военным трибуналом войск НКВД к 10 годам лишения свободы (ст.58-10 и 58-11). Сначала находился в лагере в Архангельской области, потом – в Молотовске, в Абези и Инте (Коми АССР). После освобождения осенью 1954 года некоторое время работал электриком в Инте.

В Абезьском лагере А.А. Ванеев познакомился с известным русским историком, религиозным мыслителем Львом Платоновичем Карсавиным и стал последователем его религиозно-философского учения. Л.П. Карсавин умер в лагере от туберкулёза в 1952 году, ему не было и семидесяти лет. Последние 2 года его жизни рядом с ним был Ванеев, который записал и сохранил размышления философа, сумел вывезти его архив. В 1979 году Анатолий Анатольевич написал «Очерк жизни и идей Л.П. Карсавина», в котором представил его как русского религиозного мыслителя. В 1990 году (уже после смерти автора) в сборнике «Наше насле-

дие» (III-IV) вышла книга А.А. Ванеева «Два года в Абези» с предисловием Константина Иванова «Ванеев, ученик Карсавина». Эту книгу Анатолий Анатольевич назвал «памятником Карсавину». В предисловии к изданию «Два года в Абези: В память о Л. П. Карсавине» (Издательство: Жизнь с Богом, La Presse Libre, Брюссель, 1990, 386 с.) о А.А. Ванееве сказано, что он - «один из тех многих мыслителей, чья жизнь, мысль и дарование были смяты безжалостной эпохой, в которой ему довелось жить». (Выделено мною – В.Т.).

После пересмотра дела в 1955 году А.А. Ванеев был реабилитирован и восстановлен на прежней работе, он преподавал физику в школе № 33, затем в школе № 30 Ленинграда. С 1968 года был заведующим кабинетом физики в Ленинградском городском институте усовершенствования учителей. Под его редакцией написаны учебники физики для средней школы. В январе 1968 года Анатолий Анатольевич тяжело заболел – сказалось фронтовое ранение, развилось неизлечимое заболевание крови, пришлось оставить работу и уйти на пенсию по инвалидности. Последние годы жизни были посвящены литературному труду. Умер А.А. Ванеев 5 ноября 1985 года, похоронен на Охтенском кладбище Ленинграда (с 1991 г. – Санкт-Петербург).

В первом браке у Анатолия Анатольевича и его жены Веры Владимировны был сын Александр (1957–2009), который стал архитектором, он погиб в автомобильной катастрофе. У него осталась дочь Сусанна (род. в 1999 г.). Во втором браке у Анатолия Анатольевича и Елены Ивановны в 1975 году родился сын, которого называли Львом, (возможно, в честь философа Льва Платоновича Карсавина? – В.Т.). Лев Анатольевич Ванеев закончил философский факультет Санкт-Петербургского университета. В настоящее время живёт в Америке.

Елена Ивановна Ванеева родилась в Ленинграде в 1947 году. Закончила исторический факультет ЛГУ, затем – аспирантуру Института русского языка и литературы, работала научным сотрудником в секторе древнерусской литературы, в 1981 году защитила кандидатскую диссертацию. Долгое время работала референтом академика Д.С. Лихачёва. Сохранила архив А.А. Ванеева, участвовала в издании его работ. После 1991 г. – в Российском Библейском Обществе. С июня 2007 года живет в США, работает в Публичной библиотеке города Сан-Франциско.

В январе 2012 года на мой электронный адрес из Америки пришло первое письмо от Льва Анатольевича Ванеева. «Недавно у меня родился сын, и я хотел бы, чтобы он вырос со знанием семейной истории», – написал правнук революционера. Таким образом, пополнилось шестое поколение в родословной семьи Ванеевых и теперь она выглядит так:

Глава рода – Александр Степанович Ванеев (1848 – 1909), сын вологодского священника, помощник делопроизводителя архангельского губернского правления, не имеющий чина, затем – чиновник Нижегородского окружного суда.

Анатолий Александрович Ванеев (1872 – 1899), студент Санкт-Петербургского технологического института, активный участник «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», товарищ В.И. Ульянова (Ленина) по борьбе и сибирской ссылке. Умер в ссылке от туберкулёза. Похоронен в Ермаковском.

Анатолий Анатольевич Ванеев (1899 – 1941), талантливый учёный в области радиомеханики, участник Великой Отечественной войны. Погиб при защите Ленинграда.

Анатолий Анатольевич Ванеев (1922 – 1985), учитель, участник Великой Отечественной войны, мемуарист, ученик и последователь русского религиозного философа Л.П. Карсавина.

Его дети (правнуки Анатолия Александровича Ванеева):

Александр Анатольевич Ванеев (1957 – 2009), архитектор, жил в Санкт-Петербурге.

Лев Анатольевич Ванеев (род.1975 г.), философ. Живёт в Америке.

Праправнуки Анатолия Александровича:

Сусанна Александровна Ванеева (род. 1999 г.)

Рудольф Львович Ванеев (род. 2011 г.)

Хочется надеяться, что потомки Анатолия Александровича Ванеева продолжают и дополняют историю своей интересной семьи. У них есть все основания гордиться своей родословной!

Источники и литература

1. Ваганов Д.И. Необходимое уточнение // Вопросы истории КПСС.- 1965.- №2.- с.107.
2. Голов И.И. К биографии А.А.Ванеева // Советские архивы.- 1971.- №6.- с.91-92.
3. Там же, с.92.
4. Забурдаев Н.А. Анатолий Ванеев. – Горький, 1978.- с.24.
5. Сильвин М.А. Ленин в период зарождения партии. – Л., 1958.- с.116.
6. Сильвин М.А. Анатолий Александрович Ванеев // Старый большевик.- 1933.- №2(5).- с.162.
7. Сильвин М.А. Ленин в период зарождения партии.- Л., 1958.- с.92.
8. Лепешинская О.Б. Встречи с Ильичём // Звезда.- 1957.- №7.- с.115.
9. Старый большевик.- 1933.- №2(5).- с.169.
10. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. В 12 т. – М., 1970.- Т.1 с.77.
11. Лугинин А. Ленин в Нижнем Новгороде / А. Лугинин, Е. Потапов. - Горький, 1968.- с.24.
12. Крупская Н.К. О Красине // Красин (Никитич) Л.Б. Дела давно минувших дней: сборник. - М., 1930.- с.137.
13. Старый большевик. – 1933.- №2(5).- с.165.
14. Левина З.А. У истоков ленинизма.- М., 1966.- с.70.
15. Ленин. Петербургские годы / Сост. А. Иванский. - М., 1972. - с.153.
16. Голов И. Автобиография революционера //Волга, 1970.- №11.- с.190.
17. Ленин. Петербургские годы / Сост. А. Иванский. - М., 1972. - с.161.
18. Забурдаев Н.А. Анатолий Ванеев.- Горький, 1978.- с.50.
19. Доклад по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 гг. преступных кружках лиц, именующих себя «социал-демократами» // В.И. Ленин Собр. Соч.- 1-е изд. - М., 1925.- Т. 1.- с.545-546.
20. Сильвин М.А. В дни «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». – М., 1985.- с.8.
21. Семьян А. Во имя будущего // Правда Севера.- 1972.- 10 марта. - с. 2.
22. Забурдаев Н. Семейная переписка Ванеевых //Сибирские огни.- 1970.- №4.- с.159.
23. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника в 12 т.- М., 1970.- Т.1.- с.102.
24. Ленин В.И. ПСС.- 5-е изд.- М., 1970.- Т.2.- с.6-7.
25. Работник.- Женева, 1896.- №1-2. - с.73-75.
26. Сильвин М.А. Ленин в период зарождения партии.- Л., 1958.- с.102.
27. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.- В 12 т. – М., 1970.- Т.1.- с.106.
28. Ленин. Петербургские годы / Сост. А. Иванский. - М., 1972. - с.230.
29. Молчанов В. Знаете ли вы Названова? // Правда.- 1981.- №85.- 26 марта.
30. Старый большевик.- 1933.- №2(5).- с.159.
31. Ленин В.И. ПСС.-5-е изд.- М., 1970.- Т. 6.- с.31.
32. Там же.
33. Хаит Г. Товарищи в борьбе: Письма соратников В.И.Ленина. 1896-1900. – Красноярск, 1973.- с.147.
34. Старый большевик.- 1933.- №2(5).- с.159-160.
35. Ленин В.И. Собр. соч.- 1-е изд.- М., 1925.- Т.1.- с.559-561.
36. Ленин В.И. ПСС.- 5-е изд.- М., 1970.- Т. 46, с.445.
37. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф.563, д.36, л.2.
38. Ленин. Петербургские годы / Сост. А. Иванский. - М., 1972.- с.314.
39. Жизнь Ленина: избранные страницы прозы и поэзии. В 10 т.– М., 1981.- Т.2.- с.83.

40. Там же, с.83-84.
41. Шамигулин В.А. Анатолий и Доминика // Горьковская правда.-1979.-11 марта.
42. Петербургские годы, с.307-308.
43. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.55.
44. Там же, с.73.
45. Там же, с.41.
46. Там же, с.с. 92-93, 136, 141-142, 149,161, 183.
47. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970. - Т.1.- с.309.
48. РГАСПИ, ф.580, оп.1, д.88, 106 л.; ф.580, оп.1, д.89, 258 л.
49. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.162-164.
50. Там же, с.75.
51. Там же, с.146.
52. Там же.
53. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т.6.- с.31.
54. Жизнь Ленина. В 10 т.- М, 1981.- Т.2.- с.99.
55. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.-т.6.- с.34.
56. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. В 12 т. – М., 1970.- Т.1.- с.132.
57. Волков-Ланнит. В.И.Ленин в фотоискусстве. - М.,1967.- с.49.
58. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.194.
59. Там же, с.322.
60. Невзорова-Шестернина С. Первые социал-демократические кружки // Старый Большевик.- 1933.- №2(5).- с.150.
61. Хаит Г.Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.175.
62. Там же, с.188-189.
63. Там же, с. 202.
64. Там же, с.195.
65. Старый большевик.- 1933.- №2(5). - с.160.
66. Сибирские огни.- 1970.- №4.- с.163.
67. Там же.
68. Там же, с.163.
69. Там же.
70. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.216.
71. Там же, с.215.
72. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т.55.- с.26
73. Там же, с.27.
74. Там же.
75. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.217.
76. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.-Т.55. - с.29.
77. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.235.
78. Там же, с.239.
79. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.236.
80. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т.55 - с.37.
81. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.243.
82. Там же, с.248.
83. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т.55.- с.43.
84. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.249.
85. Там же, с.250.
86. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК), ф.31, оп.1, д.197, лл.12-15.
87. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.244.
88. Там же, с.259.
89. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.262-263.
90. Мешалкин П.Н. Единомышленники. – Красноярск, 1974.- с.53-54.

91. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т.55.- с.76.
92. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.262.
93. Там же, с.153.
94. Там же, с.192.
95. Там же, с.287.
96. Цитируется по копии метрической книги Успенской церкви за 1897 г. // Архив Енисейского краеведческого музея, ОФ-8782.
97. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.287.
98. ГАКК, ф.595, оп.63, д.3534, с.65 об.
99. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.303.
100. Ленин В.И. ПСС. - 5-е. изд.- М., 1970.- Т.55 - с.63.
101. ГАКК, ф. 545, оп.63, д.3534, с.65 об.
102. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970. – Т.55. - с.84.
103. Мешалкин П.Н. Единомышленники.- Красноярск, 1974.- с.52.
104. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.287.
105. ГАКК, ф.595, оп.63, д.3539, л.58.
106. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т.55 - с.57.
107. Хаит Г. Товарищи в борьбе Красноярск, 1973.- с.311-312.
108. Там же, с.262-263.
109. Воспоминания о Владимире Ильич Ленине. - М., 1979.- Т.1.- с.235.
110. Старый большевик.- 1933.- №2(5).- с.171.
111. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.322.
112. Там же, с.293.
113. Там же, с.313.
114. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970. - Т.46 - с.18.
115. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.268.
116. Там же, с.288.
117. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т.55- с.94-95.
118. Там же, с.112.
119. Там же, с.162.
120. Мешалкин П.Н. Единомышленники. - Красноярск, 1974.-с.51-52.
121. ГАКК, ф.827, оп.1, д.277, с.14.
122. Башкова Л.А. Соратник Ильича //Ленинская искра.- 1988.- 3 марта.
123. Там же.
124. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т.55- с.134.
125. ГАКК, ф.595, оп.63, д.3532, л.23.
126. Там же, л.24.
127. Там же, л.25.
128. Там же, л.26.
129. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т.55. - с.146.
130. Хаит Г. Товарищи в борьбе, с.388.
131. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т.55. - с.129.
132. Цитируется по копии прошения. Енисейский краеведческий музей.
133. Старый большевик, 1933, №2(5), с.175.
134. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т.55.- с.146.
135. Там же, с.148.
136. Государственный архив Иркутской области, ф.32, оп.1, д.5278, св.216, л.8.
137. Хаит Г. Заимка на Тагарском //Огонёк.- 1972.- №17.- с.7.
138. Хаит Г. Товарищи в борьбе, с.391.
139. Хаит Г. Заимка на Тагарском //Огонёк.- 1972.- №17.- с.7.
140. РГАСПИ, ф.563, оп.1, д.17, л.4.
141. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.365.
142. Там же, с.380.

143. Владимирова Е.И. Ленинские места на Енисее. – Красноярск, 1981.- с.139.
144. Памятная книжка Енисейской губернии на 1900 год. – Красноярск.- 1900.- с.62.
145. РГАСПИ, ф.563, оп.1, д.17, л.16 об.
146. Там же, л.10 об
147. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т 55.- с.411.
148. Хаит Г. Товарищи в борьбе.- Красноярск, 1973.- с.393.
149. Там же.
150. Шаповалов А.С. В борьбе за социализм. – М., 1957.- с.158.
151. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т 55.- с.165.
152. Там же, с.412.
153. Там же, с.168.
154. Там же.
155. Владимирова Е.И. Последние дни жизни Ванеева // Орджоникидзевский рабочий.- 1972.- №25.- 22 февраля.- с.4.
156. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т 55.- с.413.
157. Титов И.И. К вопросу о времени проведения Ермаковского совещания //Вопросы истории КПСС.- 1979.- №8- с.111.
158. Лепешинская О.Б. Встречи с Ильичём.- М.,1957.- с.16.
159. Цитируется по копии, хранящейся в музее-заповеднике.- ШМЗ НВ-7627.
160. Шаповалов А.С. В борьбе за социализм. - М., 1957.- с.155.
161. Лепешинская О.Б. Встречи с Ильичём.- М., 1957.- с.16.
162. Сильвин М.А. Ленин в период зарождения партии.- Л., 1958.- с.192.
163. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т 4.- с.172.
164. Лепешинская О.Б. Встречи с Ильичём.- М., 1957.-с.18.
165. Шаповалов А.С. В борьбе за социализм.- М.,1957.- с.163.
166. Ленин В.И. ПСС.- 5-е. изд.- М., 1970.- Т.55.- с.
167. Старый большевик.- 1933.- №2(5)- с.177.
168. Лепешинская О.Б. Встречи с Ильичём // Звезда.- 1957.- №7.-с.115.
169. Вечно живой... //Дон.- 1962.- №4.- с.80-81.
170. РГАСПИ, ф. 71, оп.15, д.175, л.1.
171. Ленин В.И. ПСС.-5-е изд.- М., 1970.- Т. 55.- с.177.
172. Звезда.- 1957.- №7.- с.115.
173. Ванеев Ю.В. Революцией призванная // Борская правда.- 1972.- 2 июня.
174. Метрическая книга за 1899 год // Архив Ермаковского ЗАГСа (В этой же книге сохранилась запись о смерти А.А.Ванеева 8 сентября 1899 года). Цитируется по копии из фондов музея-заповедника «Шушенское». ШМЗ НВ-987.
175. Архив музея-заповедника «Шушенское», ШМЗ МЛ - 16.
176. Цитируется по указанной статье Ванеева Ю.В.
177. Там же.
178. Ванеев Ю.В. Революцией призванная. – // Борская правда.- 1972.- 3 июня.
179. Ленинградский институт политических исследований, ф.1728, оп. 1, д.839694. С 1991 г. – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).
180. Ванеев Ю.В. Революцией призванная //Борская правда.- 1972.- 6 июня.
181. Интернет – ресурс www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/
182. «Лев Карсавин и Анатолий Ванеев» с предисловием К.Иванова // Интернет-ресурс www.belousenko.com/wr-karsavin.htm

Приложение № 1

Статья А. Ванеева «О преследовании секты духоборцев на Кавказе». Перепечатана по тексту ксерокопии статьи из сборника «Работник» № 1-2, 1896, с. 73-75.

ВЕСТИ ИЗ РОССИИ

Читающие «Русские ведомости» не могли не обратить внимание на печатавшиеся в середине августа корреспонденции о выселении духоборцев Ахалкалакского уезда Тифлисской губ. О причинах же этого выселения почти ничего не говорится. Между тем, эта возмутительная история стоит тот, чтобы на неё было обращено большое внимание. Она вскрывает нам тот страшный азиатский деспотизм, который совершенно немыслим в цивилизованной стране. Вот факты этой истории.

Но сначала я должен сделать отступление за восемь лет назад, иначе эти факты будут недостаточно ясны. В это время умерла известная у духоборцев Лукерья Васильевна Калмыкова, которая признавалась их духовной главой. Перед смертью она назначила своим преемником некоего Петра Веригина, пользовавшегося большим уважением среди духоборцев. К нему же должна бы была перейти и общественная касса, около 100.000 руб. Но у Лукерьи был брат, которому не понравилось, что сестра сделала своим преемником не его, брата, а человека постороннего. Ему удалось склонить на свою сторону духоборцев двух селений, и они, опираясь с одной стороны на своих единомышленников, а с другой на наши юридические законы, не признающие общественной собственности там, где нет юридического лица, оттягал эти 100.000 (причём, говорят, около половины этой суммы ушло в карманы администрации).

Как раз в это же время вышел приказ, обязывавший духоборцев отбывать воинскую повинность, от которой раньше они были освобождены.

Два селения, стоявшие на стороне брата Лукерьи, согласились, но остальные пять селений отказались, так как обязательное при отбывании воинской повинности ношение оружия противоречило их религиозным убеждениям. Но после того, как у них был аре-

стован Петр Веригин с некоторыми влиятельными духоборцами и сослан сначала в Архангельскую губ., а потом в Обдорск, и остальные пять селений присоединились к первым, думая своим повинованием смягчить участь Петра Веригина. В то же время они неустанно ходатайствовали о его возвращении из ссылки. Им обещали, но только этим и ограничились. В таком положении дело находилось несколько лет. В последнее время среди духоборцев стал опять замечаться поворот к старому. Буду продолжать рассказ словами очевидца, имя которого ручается за достоверность рассказа.

«Здесь за Кавказом теперь всех занимает духоборческая «история» – отказ от ношения оружия. После Елизаветпольской истории (где солдаты-духоборцы отказались от службы), солдаты из духоборцев сдали свои ружья в Карсе. Там начальство, желая их «образумить», устроило мнимую казнь. Поставили виселицу, пошили саваны и вывели духоборцев на казнь. Они все упрямылись. На них надели саваны ... Но дело не выгорело. Пришлось снять.

«28-го июня общество духоборцев Ахалкалакского уезда в сопровождении женщин и детей отнесло на поле своё оружие, обложило его дровами и углём, облило керосином и сожгло. Костёр горел всю ночь, а духоборцы пели псалмы».

«29-го днём тифлисский губернатор направил на них казаков. Казаки понеслись в атаку. Духоборцы поставили женщин и детей в кучу, а сами встали кругом, взявшись за руки. Не могли храбрые воины прорвать живой цепи. Убитых и раненых духоборцы убрали в середину. Наконец, надоели казачьему командиру бесплодные атаки и он прекратил их. Духоборцам велел идти в селение к губернатору. Руганью встретил губернатор духоборцев и спросил стариков: «Будете ли служить?». Старики отвечали, что они стары, и никто их в солдаты не возьмёт. Тогда губернатор вызвал поимённо трёх запасных рядовых и предложил им тот же вопрос. Получив отрицательный ответ, губернатор приказал их бить. Били сильно».

Другое, близко стоящее к духоборцам лицо, так передаёт эту дикую сцену. После отказа вызванных запасных, раздалась команда: «В плети!» Засвистали казацкие плети, раздалась стоны. «Стой!» – командует губернатор. «Будете служить?» – «Нет.» – «В плети!» Но тут из рядов духоборцев вышли все запасные – человек 50-60 – побросали свои книжки к ногам губернатора и заявили о своей солидарности с избиваемыми товарищами. Губернатор отдал при-

каз бить всех нещадно, передал обязанности правителя уездному начальнику и уехал.

Так били каждый день шесть дней. Начальство негласно разрешило казакам насиловать женщин и девушек. Мужчины все под арестом, а христолобивое воинство толпами ломится через двери и окна в хаты. Все окна высадили (одна женщина оказалась убитой). Когда казаки одумались и неохотно стали помогать губернатору «управлять вверенной ему губернией», то их заменили лезгинской милицией. Лезгины, помня присягу, не позволяли сомнениям вкрадываться в свои сердца.

На 7-ой день губернатор отобрал из семи духоборческих селений 35 семей и послал в ссылку неизвестно куда. Поехали духоборцы на фургонах. Пришлось побросать имущество. Приехавшие для покупки продаваемого духоборцами имущества армяне, видя, что делается, стали плакать и жалеть духоборцев. Их плетьюми выгнали из села. В напутствие ссылаемым губернатор сказал, что отдал приказание ничего им по дороге не продавать. «Дохните с голоду!» – добавил он. Духоборческие семьи оцеплены. Духоборцев никуда не пускают. Не отпускают ни елизаветпольских, ни карских духоборцев. На железнодорожных станциях начальники станций получили приказание не продавать им билетов. «Но духоборцы, прибавляет рассказчик, не унывают, и сердца их не смущены».

Письмо было послано в то время, когда «история» далеко была не закончена. О развязке я узнал уже из другого письма.

35 семей, высланных вначале по приказанию губернатора, были авангардом, за которым вскоре последовали тысячи новых. Но куда же выселили такую громадную массу зажиточного трудолюбивого населения? Их не выселили, а расселили и рассеяли самым варварским образом. Духоборцев разбросали отдельными семьями по разным городским деревушкам Тифл.губ. и Дагест.области, причём не дали ни клочка земли, не дали жилищ и не дали ни куска хлеба. Туземным властям был отдан приказ не давать духоборцам никакой работы. Очевидно, тысячи семей обречены на голодную смерть. Рассказчик высказывает предположение, что именно эту цель и преследует правительство. Факты подтверждают предположение. Одна из телеграмм «Русских Вед.» говорит, что среди духоборцев открылся кровавый понос.

Вот картинка, служащая дополнением к армянскому вопросу, так интересующему теперь Европу.

К ИСТОРИИ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

(Выступление на научно-практической конференции. Шушенское, 2010 г.)

В.И. Терентьева

Моё сообщение посвящено конкретному экспонату нашего музея. В комнате, которую, будучи в сибирской ссылке, Владимир Ильич Ульянов занимал в доме крестьянина А.Д. Зырянова, помещена копия фотографии руководящей группы петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».¹

Только одна эта фотография может стать предметом отдельного многостраничного исследования, интересного и поучительного ...

Начнём с известного факта: этот исторический снимок сделан в феврале 1897 года в один из трёх дней свободы после 14-месячного заключения (одионого) и перед последующей ссылкой; сделан он в фотографии Везенберга и К^о (ныне – пр. Майорова, 32 в Петербурге, дом сохранился).

Вот как об этом вспоминал В.В. Старков: «Выйдя из тюрьмы, мы дружной группой так и пошли улицам города. Идём взволнованные, возбуждённые... и, вдруг, поравнялись с домом, на котором вывеска – «фотография». Через 3 дня нам пришлось расстаться. Сошлют нас в холодную, далёкую Сибирь, разбросают кого куда по её бескрайним просторам. И в эту самую минуту сама собой родилась мысль: сфотографироваться перед разлукой, сохранить на память карточки, так тогда говорили ... И вот каждый получил такую фотографию».²

Снимок последовал за революционерами в места их ссылки, его с нетерпением ждали, о нём писали родным и знакомым. В конце 1897 года В.И. Ульянов сетовал в письме к родным: «А карточек и группы так-таки нет да нет...».³

А.А. Ванеев писал Доминике Труховской: «Карточки получил... Ещё несколько дней назад я получил также и группу, но на ней я вышел неудачно».⁴

Ю.О. Мартов впоследствии вспоминал: «Мы, осужденные члены Союза позволили себе даже небывалую и не вполне конспиративную вольность: снялись восьмером в группе (А.А. Ванеев, П.К. Запорожец, Г.М. Кржижановский, Я.М. Ляховский, А.Л. Малченко, В.В. Старков, В.И. Ульянов и я)».⁵

В поисках этих подлинных фотографий исследователи Г. Хаит ⁶ и П. Мешалкин ⁷ изучали партийные архивы и семейные альбомы родственников тех, кто изображён на снимке. Описание этих поисков и сейчас захватывающе интересны. Именно эти исследователи «поправили» Мартова, доказав, что Ляховского на историческом фото не было.

Глядя на известную фотографию, уместно вспомнить, что эта группа социал-демократов была в самой первой партии ссыльных, которые отправились в Сибирь по железной дороге, что очень облегчило их участь, т.к. на этом пути было всего две пересыльные тюрьмы – Московская и Красноярская.

Следует обратить внимание и на тот факт, что название организации «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» было дано уже позже, фактически после того, как организация была разгромлена. Подтверждает это документ «Доклад по делу возникновения в Санкт-Петербурге в 1894–1895 годах преступных кружков лиц, именующих себя социал-демократами».⁸ А.И. Ульянова-Елизарова в своих воспоминаниях отмечает, что «Союз борьбы» был так назван «уже после ареста Владимира Ильича».⁹ Исследователь биографии Ю. Мартова Георгий Чернявский утверждает, что так организацию назвал на дознании Мартов.¹⁰

Но самая интересная и неисчерпаемая тема – дальнейшая судьба изображённых на снимке людей.

После тюремного заключения и быстро пролетевших 3-х дней свободы Ульянов, Мартов, Ванеев, Кржижановский, Старков последовали в Сибирь, из них двое (Мартов и Ванеев) – на её север, в Туруханск, остальные – на юг, в Минусинский округ. Причём, Владимир Ульянов последовал в ссылку за свой счёт по проходному свидетельству. Малченко сослали в Архангельскую губернию, а Запорожца – в Сибирь, но на 5 лет. Тюремное заключение и перспектива самого большого срока ссылки в буквальном смысле свели крестьянского сына Петра Запорожца с ума. Он тяжело заболел и в 1905 году умер в Винницкой психиатрической больнице.¹¹

Анатолий Ванеев из тюрьмы вынес плеврит, который усугубился условиями ссылки и развился в туберкулёз, от которого он умер в Ермаковском в 1899 году 27 лет от роду, 20 дней не дождавшись рождения своего первенца – сына.¹²

Это была заметная потеря для организации, т.к. Ванеев очень

серьёзно занимался теоретическими вопросами, пристально изучал социально-экономические процессы в России, пользовался уважением в среде революционеров. И сейчас можно только предположить, как сложилась бы его судьба, доживи он до революции и дальнейших событий...

Но известна судьба его потомков. Сын Анатолий, родившийся в ссылке, был известным радиоинженером, добровольно ушёл на защиту Ленинграда и погиб. Его сын – тоже Анатолий – учитель физики, был репрессирован, 10 лет провёл в лагерях (1945–1955), стал религиозным философом. Его сын Лев живёт в Америке.¹³ Центральная фигура фотографии, что соответствует и положению в организации, – Владимир Ильич Ульянов. Через 20 лет он станет известен всему миру, и до сих пор не ослабевают дискуссии о его роли в российской и мировой истории, о значении и последствиях Октябрьской революции 1917 года. Но финал жизни этого человека был трагичен: всего в 54 года (неполных) он медленно умирал от страшной болезни, в полной политической изоляции, которую обеспечили ему им же взращённые соратники; умер, успев понять, что дело, на которое «положил жизнь», не очень удалось, да и мировой революции не случилось...

Но «большое видится на расстоянии», поэтому предоставим времени дать оценку этому историческому феномену.

Самым благополучным из всех изображённых на снимке оказался Г.М. Кржижановский, имя которого ассоциируется у нас с планом ГОЭЛРО (Государственный план электрификации России). По натуре он был больше созидателем-инженером, поэтом, чем революционером-ниспровергателем. Ему принадлежат слова знаменитых революционных песен «Беснуйтесь, тираны» и «Вихри враждебные».

Г.М. Кржижановский умер в 1959 году в возрасте 87 лет советским академиком.

Рассказывая об Александре Леонтьевиче Малченко (на фото стоит между Лениным и Кржижановским), мы говорили о нём примерно так, как написано в его персоналии к 55 тому Полного Собрания Сочинений В.И. Ленина: «Малченко А.Л. (род. 1871 г.), (года смерти нет! – В.Т.), социал-демократ, по профессии инженер-технолог ... Член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1895 г. был арестован, в 1897 г. сослан в Архангельскую губернию на 3 года. Позднее от революционной работы отошёл».¹⁴

Сегодня Александр Леонтьевич Малченко мало известен, хотя его имя часто упоминалось в социал-демократических кругах в к. XIX – н. XX вв. Судя по воспоминаниям товарищей и конкретным поступкам, это был образованный, интеллигентный человек, благородный и порядочный.¹⁵

В годы культа личности Сталина бывший подпольщик и соратник Ленина не избежал трагической участи и был расстрелян как «американский шпион». А имя его исчезло из всех историко-партийных источников и даже с очень известной фотографии, где он стоял рядом с Лениным.¹⁶

Это ярчайший пример научной недобросовестности, пример того, как ретушировались не только фотографии, но и сама История.

Другим подобным примером является факт исчезновения с этого знаменитого снимка Василия Васильевича Старкова. Фотография без него была помещена в книге Ю.Н. Флаксермана «Глеб Максимилианович Кржижановский», вышедшей в издательстве «Наука» (!? – В.Т.) в 1964 году. Автор решил урезать изображение: убрал Старкова, но так как остался «в кадре» его ботинок, пришлось подрезать фото и снизу, а потом для симметрии подрезать справа буффорский фон (рядом с Ваневым).¹⁷

Видимо, автора книги смутило то обстоятельство, что после поражения революции 1905 года Василий Васильевич отошёл от активной революционной работы ... Но после 1917 года он все свои знания и опыт отдавал восстановлению экономики страны, установлению её внешнеполитических связей с Западной Европой.

Василий Старков умер в 1925 г. в своём рабочем кабинете в Берлине на посту заместителя торгового представителя СССР в Германии.¹⁸ Как заметил упомянутый уже Григорий Чернявский, он «умер вовремя».

О Мартове принято было говорить так, как писали о нём в историко-партийных источниках. Обратимся снова к персоналиям 55 тома Полного Собрания Сочинений В.И. Ленина: «Мартов Л. (Цедербаум, Ю.О., Егор, Юлий) (1873–1923) – в социал-демократическом движении принимал участие с первой половины 90-х годов. В 1895 г. участвовал в организации петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», по делу которого был арестован и сослан на 3 года в Туруханск. После ссылки принимал участие в подготовке издания «Искры». После II съезда РСДРП – лидер меньшевизма ...».¹⁹

Принципиальные разногласия проявились на 2 съезде партии летом 1903 года. Спор шёл по 1 п. Устава. Ленин настаивал на обязательном участии в партийной организации, Мартов – на содействии ей под руководством организации. Он выступил также против предложения Ленина ограничить редакцию газеты тремя членами, видя опасность в том, что партия будет под контролем газеты. Обвинял большевиков в стремлении установить в партии диктатуру.

В 1917 году, анализируя сложившуюся политическую ситуацию, Мартов констатировал, что власть большевиков «не есть диктатура пролетариата». Попытки насадить социализм в отсталой стране он рассматривал как бессмысленную утопию. Революцию Юлий Осипович не принял и назвал её катастрофой. Понятно, что начались преследования меньшевиков. Этому способствовало и столкновение Мартова со Сталиным, которого Юлий Осипович обвинил в участии в «эксах» (экспроприациях – В.Т.), и обнародовал факт, что в 1910 году Сталин был исключен из партии за ограбление банка. От расправы Мартова спасло то, что он был высоким авторитетом в зарубежных лево-социалистических кругах, которые Ленин планировал использовать в деле стимулирования мировой революции, и не хотел осложнений. Наверное, поэтому Мартова выпустили за границу на съезд независимых социалистов Германии в 1920 году (сентябрь). А 15 августа 1921 года Ф. Дзержинский дал распоряжение о розыске его и аресте.

В Германию Мартов приехал уже тяжело больным. Туберкулёз горла, полученный в Туруханской ссылке, усугублялся, он потерял голос, но продолжал работать, возглавлял заграничную делегацию РСДРП. В своих публикациях анализировал положение в России. Например, приветствовал НЭП (новую экономическую политику), но доказывал, что без либерализации политической жизни она не может быть прочной.²⁰ И оказался прав.

Умер Мартов 4-го апреля 1923 года, похоронен в Берлине, т.е. умер тоже «вовремя», избежал репрессий, но два его брата – Сергей и Владимир – были расстреляны и истреблена вся семья Юлия Осиповича – племянники, жены племянников и т.д.²¹

Так как после Ленина Мартов является самой заметной фигурой не только в этой группе, но и среди социал-демократов России и Европы, то простительно ему уделить больше внимания и закончить выдержкой из статьи Григория Чернявского: «Ныне, по окончании того века, который был свидетелем взлёта и падения романтических идеа-

лов социалистов, который не только выявил утопичность их планов создания нового типа общества, но и неизбежное вырождение этих планов в тоталитарное чудовище, мы можем дать достойную оценку Юлия Осиповича Мартова. Он предстает перед нами как один из виднейших деятелей той когорты социалистов, которая готовила поворот социал-демократии от борьбы за «светлое будущее» в духе марксистских догматов в принципиально новое русло. Это новое направление социального мышления и деятельности постепенно привело к осознанию утопичности «великой цели» и к превращению социалистической доктрины в идеологию левого фланга современной демократии, сотрудничающей и конкурирующей с другими её течениями.

Т.к. все изображённые на снимке, о котором шла речь, – социал-демократы, это рассуждение здесь уместно в качестве смысловой точки данного сообщения.

Литература

1. *Ленин в Петербурге - Петрограде /Сост. А. Иванский. – Л., 1980 - с. 110.*
2. *Кутырев П. Василий Старков / П. Кутырев, А. Алексеев, А. Чулков. – Саратов, 1972.- с.39-40.*
3. *Ленин В.И. ПСС.- 5-е изд.- М., 1975.- Т. 55.- с. 63.*
4. *Забурдаев Н.А. Анатолий Ванеев. - Горький, 1978.- с. 143.*
5. *Мартов Ю. Записки социал - демократа. – М - Л., 1922.- с. 208.*
6. *Хаит Г. Поиск продолжается. - Красноярск, 1968.- с. 310.*
7. *Мешалкин П.Н. Единомысленники. - Красноярск, 1974.- с. 215.*
8. *Спиридонович А.И. Революционное движение в России. - СПб., 1914. - Вып. 1.- с. 132.*
9. *Ульянова-Елизарова А.И. Воспоминания об Ильиче. - М., 1934.- с. 68.*
10. *Чернявский Г. Ю. Мартов – Дон-Кихот русской революции // Вестник - 2001.- № 22 (281).*
11. *Пётр Запорожец: Документы и материалы.- Винница, 1962.- с. 89.*
12. *Забурдаев Н.А. Анатолий Ванеев. - Горький, 1978.- с. 203-205.*
13. *Сведения получены от лично знавшего семью А.А. Ванеева В.И. Шаронова (Архив В. Терентьевой).*
14. *Ленин В.И. ПСС. - 5-е изд.- М., 1975. - Т. 55.- с. 577.*
15. *Новиков В.И. Незаслуженно забытое имя // Памятники Отечества.- № 2, 1989.- с. 53-55.*
16. *Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. - М., 1956.- Т. 1.- с. 144.*
17. *Флаксерман Ю.Н. Глеб Максимилианович Кржижановский. – М., 1964.- с. 15.*
18. *Чернявский Г. Упомянутая статья.*
19. *Ленин В.И. ПСС.-5-е. изд. - М., 1972. - Т. 55.- с. 578.*
20. *Чернявский Г. Упомянутая статья.*
21. *Попова Т.Ю. (Цедербаум). Судьба родных Мартова в России после 1917 года. - М., 1966.- 63 с.*

*Руководящая группа
Петербургского
«Союза борьбы
за освобождение
рабочего класса».
Сидят слева направо:
В.В. Старков,
Г.М. Кржижановский,
В.И. Ульянов (Ленин),
Ю.О. Мартов.
Стоят слева направо:
А.Л. Малченко,
П.К. Запорожец,
А.А. Ванеев.
Фото 1897 г.*

*Это же фото,
но без А.Л. Малченко.*

*Это же фото,
но без В.В. Старкова.*

*А. Ванеев в Нижнем Новгороде
во время летних каникул. 1894 г.*

*Отец А. А. Ванеева
Александр Степанович
(1848 – 1909)*

*Мать А. А. Ванеева
Анастасия Ивановна
(? – 1918)*

*С.-Петербургский Технологический институт,
где учился А. Ванеев. Фото к. XIX в.*

Лето 1894 г. в Териоках (под Петербургом). Ванеев – справа.

Д. Труховская –
невеста А. Ванеева.

А. Ванеев. Тюремный снимок.
Фото 1895 г.

БИЛЕТЪ

Дамининъ Васильевичъ Труховскій
 въслѣдствіе отношенія *Канц. Указ. Св. Суда. № 1854* отъ
 21 Декабря 96. за № 1854 назначены свиданія съ содер-
 жащій *Ванеевъ* въ Домѣ Предварительнаго Заключенія

Анатоліемъ Ванюевымъ
 по Понедѣльникамъ ~~въ~~ *между* между 1 и 3 ч. дня, съ
 тѣмъ чтобы каждыиъ разъ ~~было~~ *предъявляемъ* представляемъ настоящий
 билетъ и удостовѣреніе о личности *).

Начальникъ Дома, Генераль-Маіоръ *[Signature]*
 22 *Всень* 1896 года.

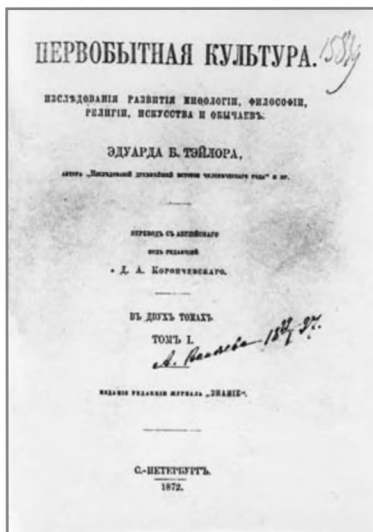
*) Удостовереніе о личности лицами, уже извѣстными администраціи
 Дома, — не предъявляется.

№ 45. Тип. Спб. Тюремн.

Билет-пропуск Д.В. Труховской
на свиданія с А.А. Ванеевымъ.

Фрагмент полотенца, вышитого матерью А. Ванеева и подаренного ему перед отъездом в ссылку.

Книга с автографом А. Ванеева 29.1.97.

*А. Ванеев.
Фото 1897 г.*

Енисейск. Контора инженера Чернцова, где работал А. Ванеев в к. XIX в. Фото из фондов Енисейского краеведческого музея.

*Церковь Успения
в Енисейске,
в которой венчались
А. Ванеев и
Д. Труховская.
Фото из фондов
Енисейского
краеведческого музея.*

*Сафьяновская
заимка, где по дороге
в Ермаковское
Ванеевы встречались
с товарищами
по ссылке.
Фото 1899 г.*

*Дом
Т.З. Леликова
в Ермаковском,
где снимали
квартиру
Ванеевы.
Вид со двора.
Фото 1980-х гг.*

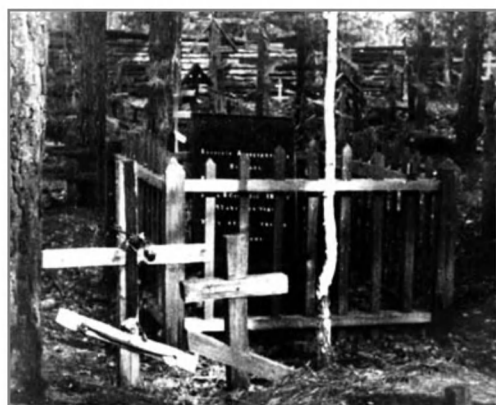

Чугунная плита на могиле А. Ванеева.

Так выглядела могила А. Ванеева первые годы после похорон. Фото начала XX в. из альбома М. Сильвина.

Так выглядела могила А. Ванеева в 30-е годы XX в.

Могила А. Ванеева в 60-е годы XX в. Фото из фондов Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартынова.

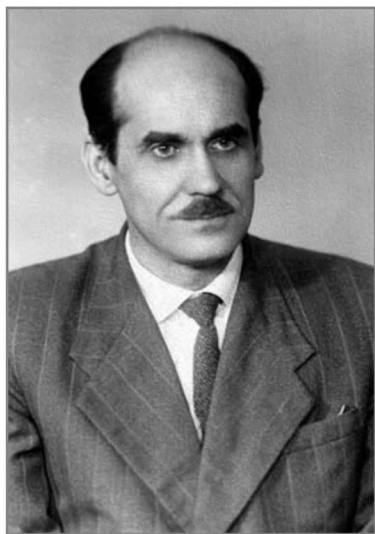
*Доминика Ванеева с сыном
Анатолием. Фото 1900 г.*

*Василий Александрович Ванеев
(1874 – 1937). Брат А.А. Ванеева.
Фото 30-х годов XX в.*

*Анатолий Анатольевич Ванеев
(слева) и Юрий Васильевич
Ванеев. Фото 1905 г.*

*Анатолий Анатольевич Ванеев –
внук революционера (1922 – 1985).
Из семейного архива
Л. Ванеева.*

*Анатолий Анатольевич
Ванеев – сын революционера
(1899 – 1941).
Фото 20-х годов XX в.*

*Анатолий Анатольевич Ванеев (1899 – 1941).
Фото к. 30-х годов XX в. из семейного архива Л. Ванеева.*

*Сухогрузный теплоход
«Анатолий Ванеев». 1972 г. Сормово.
(Списан в 2000 г.)*

*У памятника А.А. Ванееву. В центре: Юрий Васильевич Ванеев (1902-1975) - сын
Василия Александровича и Доминики Васильевны Ванеевой; слева – Василий Васильевич
Ванеев (род.1932 г.) - сын Василия Александровича Ванеева и Марии Григорьевны
Ванеевой; справа – Александр Александрович Сакулин (директор 8-летней
школы №3 г. Бор). Сентябрь 1970 г. Фото П. Фориса.*

*На территории музея-заповедника «Сибирская ссылка В.И.Ленина».
Слева направо: А.А. Сакулин, П.П. Никулина – экскурсовод музея,
В.В. Ванеев, Ю.В. Ванеев. Сентябрь 1970 г.*

М.Г. Ванеева в музее-заповеднике. Слева направо: Н.И. Коковина и Л.А. Башкова – научные сотрудники музея, П.П. Форис – фотограф, Т.А. Улейская – ст.научный сотрудник музея. Март 1972 г.

Дом Крестьянина Т.З. Леликова, где на квартире А.А. Ванеева в августе 1899 года под руководством В.И. Ульянова (Ленина) был принят «Протест российских социал-демократов». Памятник федерального значения. Фото 2012 г.

*Александр Анатольевич Ванеев.
(1957 – 2009). Правнук
революционера.*

*Лев Анатольевич Ванеев.
(род. в 1975 г.). Правнук
революционера.*

*Фото из семейного архива
Льва Ванеева.*

*Елена Ивановна Ванеева (род. в 1947 г.) –
мать Льва Анатольевича Ванеева и
жена Анатолия Анатольевича Ванеева.
Фото из архива В.И. Шаронова.*

*Памятник А. А. Ванееву на Ермаковском кладбище.
Скульптор А.Х. Абдрахимов. Фото Ю. Моргунова. 2012 г.*

*Орлов Степан Егорович (1929-2003). Красноярск.
Похороны Ванеева. Бумага, карандаш. 45x44.
Из фондов музея-заповедника «Шушенское».*

Курзанов Александр Михайлович.
Род. 1938. Воронеж.
У дома Ванеева. Из серии
«Ленинские места
Сибирской ссылки». 1985 г.
Холст, масло. 40x50.
Из фондов музея-
заповедника «Шушенское».

Коренцов Александр Иванович
Род. 1913. Москва.
Анатолий и Доминика Ванеевы.
Бумага, темпера. 40x47.
Из фондов музея-заповедника
«Шушенское».

Гусев Павел Иванович (1917-2010).
Горький. Скульптор.
Народный художник РСФСР.
Бюст А.А. Ванеева. 1970. Гипс.
57x37x28. Из фондов
музея-заповедника «Шушенское».